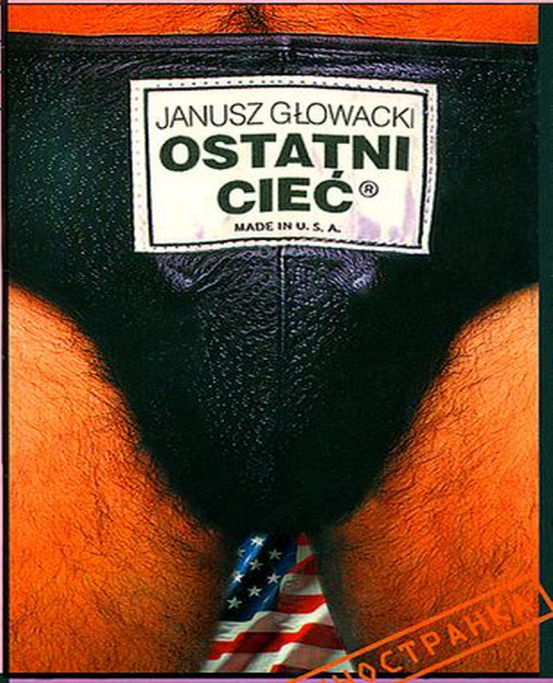
ИЛ

ЯНУШ ГЛОВАЦКИЙ

Последний сторож

ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ

Литература нового века



ИНОСТРАНКА

9 785941 452490

[В своей творческой деятельности Кейн вынужден был то и дело принимать неслыханно трудные, непосильные для обыкновенного человека решения. Он хотел достичь идеала. Совершенной красоты. Это был дьявольский труд, пожирающий нервы, здоровье, миллионы долларов и годы жизни.]

Последний сторож
Януш Гловацкий

Аннотация
Януш Гловацкий. Последний сторож
Рассказ Кубы
Рассказ старой миссис Кейн
Рассказ Кубы
Рассказ Стивена, шефа телохранителей
Рассказ Кубы
Рассказ Жозефины Кейн
Рассказ Кубы
Рассказ Жан-Пьера
Рассказ Кубы
Рассказ Майкла Гуса, он же Миша Гусев, он же Михал Гузка… настоящее имя неизвестно
Рассказ Кубы
Рассказ кухарки
Рассказ Кубы
Рассказ Педро
Рассказ Кубы

Аннотация

Януш Гловацкий (р.1938) — польский прозаик и драматург. С 1981 г. живет в США. Лауреат многих литературных премий. В театрах Москвы и других городов были поставлены пьесы «Замарашка» (1979), «Фортинбрас спился» (1990) и «Антигона в Нью-Йорке» (1992).

Роман «Последний сторож» повествует о великом дизайнере, гении и тиране Джоне Джефферсоне Кейне, одной из главных нетленок которого стала модель облегающих мужских трусов. Образ этого вымышленного героя предстает в рассказах простых людей, чьи жизни так или иначе переплелись с жизнью Кейна, олицетворяющего реальное воплощение «американской мечты».

Януш Гловацкий
Последний сторож

Збышеку Рыбчинскому, с которым мы работали над киноверсией этой повести

На исходе июля около семи вечера я сидел в ресторане «Фьорелло» напротив Линкольн-центра, размышляя о кознях судьбы и о том, как бы мне заставить ее улыбнуться. Сидел я уже три часа за одним из двенадцати столиков, стоявших на улице под охранной тенью двенадцати зонтов в бело-голубую полоску, к дизайну которых приложил руку знаменитый француз Жан-Мари Коттард.

Надвигающийся на город ураган «Алан» был где-то совсем рядом: раскаленный от зноя воздух превратился в вязкую, как сироп, массу. После первой порции двойного скотча я подумал, не перебраться ли внутрь, где наверняка прохладнее и приятней, но после третьей махнул на все рукой. Ближе к восьми померкли стеклянные стены Метрополитен-опера, и сквозь них перестали просвечивать летающие человекорыбы на шагаловском панно.

Между тем на тротуарах Бродвея становилось все оживленней. В толпе прохожих среди сверкающих жемчугами и бриллиантами пар, спешащих на концерт в Метрополитен, сновали на роликах по пояс голые темнокожие парни. Японские туристы с неизменными фотоаппаратами в обнимку шарахались от проституток и

трансвеститов, по своему обыкновению ровно в семь высыпавших из ирландского бара на Шестьдесят первой улице. В нескольких шагах от меня седоголовый мужчина в костюме от Армани, мокасинах от Брукс Бразерс и сорочке от Перри Эллиса лупил пятерней по телефону-автомату и орал что-то в трубку, но его заглушала разноголосица клаксонов, нетерпеливо понукавших скопления машин.

Я взял очередной скотч и, чтоб уж поскорее закончить вечер, запил его «Хейнекенном». В это время седоголовый, хватив напоследок кулаком по автомату, швырнул на столик перед моим носом изрядно помятый июльский номер «Пипл мэгэзин» и растворился в толпе. С обложки на меня глянуло лицо Джона Джефферсона Кейна. Журнал, подобно другим печатным изданиям на этой неделе, целиком состоял из статей, воспоминаний и сплетен о Д. Д. К., его поразительной жизни и неожиданной смерти.

В последние годы этот великий дизайнер всех времен и народов, которого называли Леонардо да Винчи нашего века, несколько отошел от мира. В техасской пустыне он воздвиг гигантских размеров замок, составленный из больших и малых фрагментов знаменитых зданий и памятников

архитектуры. Д. Д. К. замкнуто жил в нем вместе с матерью, женой Соней, парой тысяч обслуги и отрядом охранников и телохранителей.

И вот в прошлый четверг мир затаил дыхание. Вместо баскетбольного матча национальной лиги между нью-йоркской командой «Никс» и лос-анджелесской «Лейкерс» и программы «60 минут» о российской мафии все телевизионные каналы дали в эфир прямую трансляцию скоропостижной кончины гения. Великий дизайнер, облаченный в свою знаменитую пижаму цвета византийского золота, возлежал на легендарном, им самим спроектированном в июне 2005 года шестиметровом ложе под балдахином. Сотни кинокамер и лес микрофонов склонялись к его лицу, над которым успел поработать молниеносно доставленный из Рима маг и волшебник макияжа Сальвадоре Беллини. Два миллиарда человек на всех пяти континентах застыли перед телеэкранами в напряженном ожидании последнего слова гения. В зловещей тишине слышались только сдавленные рыдания Стивена Харриса, на протяжении многих лет бессменного шефа телохранителей Кейна, который беспомощно наблюдал за тем, как Д. Д. К. трясущейся рукой в шестой раз пытается поднести ко рту вилку с ку-

сочком своего любимого кушанья — венгерского гуляша. На седьмой рука великого старца упала, и округлый кусочек красного мяса шариком прокатился по снежно-белому ковру — очередной фантазии Кейна, сложной комбинации китайского шелка, афганской шерсти и марокканского кашемира. Затем слабеющие уста прошептали eaeea-oi neiaa, в которых одним почудилось «fuck», другим — «Господь, храни Америку», и величайший гений нашего времени навсегда сомкнул веки.

Вскоре после растянувшегося на несколько дней погребального ритуала, завершившегося кремацией тела великого человека и развеиванием праха (согласно воле усопшего) над техасской пустыней, произошла целая серия загадочных авиакатастроф. Один за другим в воздухе взрывались реактивные самолеты принадлежащей Кейну авиакомпании, на которых участники траурной церемонии покидали замок. Преступники пойманы не были. Поначалу подозревали исламских фундаменталистов, но ни одна из террористических группировок не призналась в совершении теракта. А оскорбленный подозрениями полковник Каддафи напомнил, что все его вечерние туалеты, кстати, равно как и френч

Саддама Хусейна и синий костюм Милошевича, были сшиты по эскизам Д. Д. К.

В катастрофах погибла не одна тысяча несчастных. В числе прочих две супермодели, чью смерть накануне осеннего показа мод оплакивали миллионы простых людей во всем мире.

Тем временем на Бродвее зажглись уличные фонари, потом озарился светом Линкольн-центр, и крылатые шагаловские персонажи вновь закружились в воздухе.

Однако я недолго предавался размышлениям на тему, как проходит мирская слава: мне помешал усевшийся за мой столик мужчина, который довольно нахально уставился на меня своими заплывшими голубыми глазками.

На вид ему было лет тридцать. Длинное туловище на коротковатых ногах, нос картошкой под низким лбом, багровый бычий загривок; неопределенного цвета волосы зачесаны назад волной, щеки чуть обвислые и тоже багровые. На первый взгляд — наружность довольно простецкая, однако в глаза бросалось какое-то несоответствие: большие, красные и короткопалые кисти выглядывали из рукавов шикарного пиджака, а на волосатом пальце поблескивал похоже что настоящий брильянт. Через минуту рядом с нами

уже суетился чернявый официант с сережкой в ухе, одним молниеносным движением раздвинувший маленький столик и водрузивший на него обернутое льняной салфеткой ведерко со льдом и торчавшей в нем литровой бутылкой водки «Шопен». Не успел он отойти, над столиком навис мой сосед.

— Никак соотечественник — судя по лицу? — обратился он ко мне.

Я кивнул, и он со вздохом облегчения опустился на стул.

— Меня зовут Куба, — сообщил он, удостоив меня чересчур уж крепким рукопожатием. Некоторое время мы сидели молча, потом, ткнув пальцем в обложку журнала, он поинтересовался: — А вы, случаем, не слыхали о лотерее Кейна?

Спрашивать об этом было излишне. Все без исключения телеканалы вот уже два месяца кряду только и вещали что об этой лотерее. О ней знал весь мир.

Тут для порядка я должен напомнить молодому поколению читателей, что одной из величайших нетленок Д. Д. К., упрочившей его славу и умножившей состояние, была дизайнерская разработка и создание новой, ставшей подарком мужчинам всего мира, независимо от религии,

цвета кожи и политических убеждений, модели облегающих трусов из королевского хлопка. Трусов, которые, как единодушно отмечали критики от моды, однажды и навсегда высвободили мужские ягодицы из плена анонимности. К каждой паре прилагались купон с пятилетней гарантией и лотерейный билет. Выигравший в лотерее получал дюжину легендарных трусов с автографом, а также место ночного сторожа в замке сроком на год, с ежемесячным окладом в двести тысяч долларов.

Стоит ли удивляться, что эта должность стала пределом мечтаний не только сотен тысяч амбициозных молодых американцев, но и миллионов нелегальных эмигрантов, по многу лет ожидающих получения гринкарты, дающей право на постоянное пребывание в Штатах. А награжденный Пулитцеровской премией за цикл эссе о моде на Ближнем Востоке Джон Фриман написал в «Нью-Йорк таймс», что лотерея Кейна — символ демократии и реальное воплощение «американской мечты».

Розыгрыш состоялся в Вашингтоне и стал гвоздем программы празднования Дня независимости. Днем позже Кейн неожиданно умер, и личность победителя не получила должной

огласки. Признаться, я даже не мог бы с уверенностью сказать, кто в этой лотерее выиграл.

— Это был я. — Представившийся Кубой мужчина залпом выпил стопку «Шопена» и неторопливо, со знанием дела наполнил ее снова.

Либо мошенник, либо с приветом, подумал я, продолжая потягивать пиво. Мужик невесело усмехнулся и, как будто прочитав мои мысли, укоризненно покачал головой:

— Вижу, вы мне не верите. В таком случае позвольте, я расскажу вам историю своей жизни.

Что оставалось делать? Кивнув, я налил себе очередной стакан.

Рассказ Кубы

Наперед предупреждаю, что образование у меня не ахти какое, и красиво выражать свои мысли, как это делают наши великие поэты, писатели, кинорежиссеры и авторы научных книжек, я не умею. Замечу только, что помыкался я будь здоров как. А чтоб не быть голословным, скажу, что в деревушке Зажече, где я увидел свет, у отца с матерью нас было шестеро. Отец мой был кузнецом видным и не отказывал себе в удовольствиях.

Жили мы в страшной нужде, и в пять лет единственным подарком ко дню рождения мне была хворостина — коров пасти. Вскоре мать объявила нам, что к ноябрю ждет хворобы. Потребовала от отца прекратить гулянки и всерьез задуматься, потому что он теперь единственный глава семьи. Но к тому времени дело уже зашло — отец пустился во все тяжкие и вдобавок окончательно разленился.

В ноябре мать, как и пообещала, слегла. Болезнь быстро развивалась, пока ее не ухайдакала. А сразу после похорон отец всю нашу шестерку

роздал по людям.

Не знаю, как остальные, а я попал к близкой родне в Кельце. Теткин муж тогда ходил в коммунистах, но недолго, всего какую-то пару недель, потому что угодил под колеса конной подводы. Сама тетка работала продажной женщиной, благодаря чему мне представилась возможность познакомиться с самыми разными интересными личностями. Тетка души во мне не чаяла со всех точек зрения и прививала нравственные устои и любовь к природе. Вдобавок ее постоянный клиент, Антоний Влосяк, педагог по призванию, безвозмездно просвещал меня по части того, какие книжки надо читать, дабы не блуждать вслепую по жизненным тропам. Жил я себе поживал как сыр в масле и каждый день ел от пуза, как и в праздник не всякий себе позволит.

Да только все пошло наперекосяк, когда после краха коммунизма повысилось качество услуг. Положение мое сделалось незавидным: тетка день ото дня стала терять клиентов, зарабатывать с гулькин нос и питаться нездоровой пищей. И тогда, всплакнув, не без этого, она отправила меня на работу — строить коттеджный поселок. Невзирая на весь мой энтузиазм, врожденный ум и смекалку, работяги со стройки относились

ко мне как не потребляющему напитки хреново. Пока в один прекрасный день из корыстных побуждений я не упился до полусмерти. Только тогда они перестали считать меня коммунистом и быдлом.

Так вот, работал я, значит, на стройке, а тем временем вовсю шла нелегальная эмиграция в Америку. Брат Прораба, у которого второй брат уже жил в Бруклине, тоже готовился драпануть туда через Канаду. Получить канадскую визу можно было довольно легко, а американскую, как вам наверняка известно, куда сложнее.

Короче, чтоб не тянуть резину: я поддался на уговоры, попрощался со слезами на глазах поочередно сперва лично с теткой, а потом в письменной форме с братьями-сестрами, с которыми до этого связи не поддерживал, и вполне легально двинул проторенной дорожкой в Торонто. А оттуда тайком, за взятку, в канадском дальнобойном трейлере в Америку, верхом на коровах и с чемоданами наперевес.

Путь был тяжелым и долгим. Из-за битком набитой в трейлер рогатой скотины численностью восемьдесят голов не представлялось возможности покласть наши пожитки на пол — затоптали бы как пить дать. Через два часа чемоданы оття-

нули нам руки, а через четыре уже кто рыдал — в основном, конечно, женщины, — кто скрежетал зубами. Холод был жуткий, но когда я попросил у сидящего на соседней корове мужика, который вез с собой четыре литра водки и сам то и дело прикладывался к бутылке, хоть глоточек, потому как из меня всю душу вытрясло, он отговорился тем, что везет-де в подарок. Впрочем, скотинке тоже пришлось несладко — всю дорогу она ревмя ревела.

На границе иммиграционная служба даже не заглянула в трейлер, и в окрестностях Буффало наша теплая компания, состоящая из восемнадцати мужиков и четырех баб, со слезами радости на глазах поцеловала американскую землю. Не обошлось, правда, без небольшого конфуза: один из наших в дороге не удержался и оттяпал корове ухо якобы себе на портмоне. Что ж, как говорится, в семье не без урода.

Не буду долго распространяться о первых годах в Америке. Скажу только, что ехал я за океан, нашпигованный мечтами одна фантастичнее другой, почерпнутыми из беллетристики, но Америка не стала для нас ни родной матерью, ни даже теткой.

Перво-наперво, не без приключений, мы добра-

лись до Грин-Пойнта.[1] Там Американский Брат Прораба за деньги делал из людей американцев посредством стрижки и одежды. Шельма каких поискать, без чести, без совести — заливал нам почище любого адвоката, а две его сестры наживались за счет курсов английского для поляков, причем учили без слов, на пальцах. Вдобавок сдавали меблированные одними только матрасами комнаты на улице Нассау, что за углом Грин-Пойнт-авеню. Вкалывали мы как черти, спали вповалку, и на девятерых у нас была одна-единственная сковорода — в основном на ней жарили яичницу, — да и та потом вконец заросла жиром, вышла из строя и жарить перестала. На ту пору как раз дело приняло оборот.

Американский Брат Прораба, носившийся с идеей женитьбы, желая выпендриться, приобрел одни выходные трусы с лотерейным билетом в придачу. Но вскоре, отказавшись от брачных планов, силком, как я ни открещивался, всучил мне трусы в счет оплаты одного рабочего дня. Я уже вам говорил, что этот Брат был прохвост каких поискать — от него всего можно было ожидать. Как только стало ясно, что трусы выиграли главный

[1] Примечания: 1

Грин-Пойнт — район компактного проживания польских эмигрантов на окраине Нью-Йорка. *(Здесь и далее — прим. перев.)*

приз, он, размахивая ножом, сперва попытался их с меня стянуть. А когда подвалило телевидение и стало меня снимать, со злости покусился на собственную жизнь, впрочем, неудачно, потому что не намылил веревки и выскользнул из петли. Остальная братва поделилась на две группы: одни не прочь были полоснуть меня по горлу, другие без зазрения совести лизали задницу. Немало было и наглых предложений руки и сердца, и каждый раз, возвращаясь с работы, я обнаруживал на своем матрасе в полной боеготовности какую-нибудь из своих соотечественниц.

Не успел я выиграть, как мистер Кейн навеки закрыл глаза. Я подумал, что все пропало — Бог дал, Бог взял, а мои товарищи вздохнули с облегчением и на радостях перепились. Однако им вышел облом: в седьмом часу утра на улице Нассау появился белый лимузин, а в нем — чернокожий шофер с накрахмаленной рубашкой и билетом в первый класс. Слетелась вся улица. Братва от ненависти скинулась на бутылку, а я обвязал чемодан веревкой и — поминай как звали. Полет выдался беспокойным из-за того, что в замок я летел в качестве единственного пассажира, а посему все плясали вокруг меня, расспрашивали и не давали толком вздремнуть.

Личный аэродром мистера Кейна размером был невелик, всего на каких-нибудь шесть самолетов, но ухоженный. После посадки меня проводили в зал со сводчатым и красиво, будто в костеле, расписанным потолком. Затем, как положено, пропустили через рентген мой чемодан, в котором помещалось все, что необходимо иметь при себе готовящемуся занять пост ночного сторожа мужчине-холостяку, а именно: два кило сухой колбасы, сосиски, литровка «Шопена», носки на смену, образок Божьей Матери Ченстоховской, счастливые трусы, выходные рубашки, гребешок, зеркальце, станок для бритья с запасом лезвий, молоток, гвозди и мышеловка типа «гильотинка». Проверив чемодан, таможенник велел мне лечь на транспортер и, кстати говоря, со всем уважением, лично сунул мне палец в резиновой перчатке в задницу.

После благополучного завершения таможенного контроля регистрационная стойка прилетов была свернута, и весь обслуживающий персонал выстроился в очередь на вылет, шумящий, галдящий и орущий хвост которой извивался длинной змеей. Толклась в очереди пара-тройка суперэлегантных персон, но в основном преобладали музыканты и разноцветная — ну чисто экзотика

— официантская братия; у этих в чемоданах и карманах бренчали и звякали столовые приборы. Хуже того, некоторые волокли картины в рамах, кресла, небольшие колонны из черного мрамора, в то время как другие в несколько рук тарабанили мягкие диваны. Я не знал, что мне делать: налицо было воровство, однако, с другой стороны, официально я еще не вступил в должность. Устроившись в кожаном кресле, я подумал, что на всякий случай прикинусь-ка дурачком. Для начала поднял глаза к потолку, с которого грозил пальцем бородач, вроде бы как сам Господь Бог, и перекрестился, а потом сделал вид, что сплю, и вскоре правда заснул.

Проснулся я оттого, что кто-то толкал меня в бок. Рядом со мной стояла дородная женщина, представившаяся кухаркой. У нее были соблазнительные, неотразимой волосатости ноги, а под форменным халатиком колыхались ничем не стесненные груди, в одной руке она держала тарелку фасолевого супа, а локтем свободной руки толкала меня. Было в ней что-то хватающее за сердце, и откровенно скажу, с самого первого взгляда я начал впечатляться. Кстати сказать, она тоже завращала глазами. Оказывается, она как-то мельком видела меня по ящику издалека, но так

чтобы вблизи такую знаменитую личность ей видеть еще не приходилось. Не считая мистера Кейна, конечно, но это было давно и неправда.

Вся она была бронзовая от загара, как будто только что вернулась из отпуска, но скоро выяснилось, что дело не в этом, а загар ей достался от родителей, поскольку родом она была из поселения Хуарес на реке Рио-Гранде, что на самой границе Мексики с Техасом. С аппетитом уминая за обе щеки фасолевый суп, немного острый на мой вкус, но конкретный, я, не теряя зря времени, принялся расспрашивать кухарку, не дошли ли до нее какие слухи.

Однако ей мало что было известно, одно ясно: творится что-то несусветное и ничего не понятно, все сматывают удочки, а я временно поступаю в распоряжение матери Кейна, то есть старой миссис Кейн, которая должна поставить меня на довольствие. И тут же спросила напрямик, с подкупающей искренностью, не желаю ли я выслушать историю ее жизни. Чтобы доставить ей удовольствие, а заодно убить время, я ответил, что конечно и что я согласен. Но прежде чем она набрала полную грудь воздуха, в зал ожидания внаглую, несмотря на сверкающий пол, въехал красный лимузин, похоже, а то и вполне очень

даже возможно, «роллс-ройс». За рулем вместо негра сидел молодой, но не больно вежливый шофер, кое-как зашвырнувший мой чемодан в багажник. Одет он был с иголочки, весь такой прилизанный, в глазах огонь.

Я на скорую руку попрощался с кухаркой. И мы помчались по тротуарам, по паркетным полам, по асфальту, а над нами припекало неоновое солнышко, медленно перемещавшееся по потолку, так ловко изображавшему небо, что недолго было и обмануться.

Я пробовал заговорить с шофером, вот, мол, как бывает: мистер Кейн помер, а его мать все живет, и поинтересовался, как она вообще — ничего, не вредная, но он смерил меня таким взглядом, что я сразу заткнулся. Зато, что правда то правда, рулил он лихо, с понятием. Мы проносились мимо зданий, похожих на музеи, мимо закрытых, несмотря на непоздний час, ресторанов, мимо глаза намозоливших по телеку пирамид и наглухо забитого досками «Макдоналдса».

Возле какой-то колонны, наверняка знаменитой, я попросил водителя тормознуть и чуток меня просветить. Но он даже не взглянул в мою сторону. Раз-другой рядом с нами по насыпи прогрохотали вагоны метро, сплошь, как в Нью-

Йорке, размалеванные граффити, порожние в нашу сторону и битком набитые висящими за окном, галдящими пассажирами — в противоположную, то есть в направлении аэропорта. Ни с того ни с сего машину вдруг подбросило, и нас оглушило взрывом. Я вежливо поинтересовался, что бы это могло значить, ведь мне как ночному сторожу положено быть в курсе, чтоб в случае чего не растеряться и не попасть впросак. Но шофер только сплюнул, перекрестился, поцеловал болтавшийся на шее образок — и все. Я подумал, что он, похоже, скорей всего, очень может быть, итальянец или испанец либо из Франции, Англии, России, Болгарии, Румынии, а то и Германии — эти народы не любят поляков. Для разнообразия я помечтал о ладно скроенных ногах кухарки. Долго мечтать, к сожалению, не пришлось, потому что мы намертво застряли перед насыпью, по которой, громыхая, то едва ползли, то со скоростью проносились поезда метро. Дальше ехать не было никакой возможности, вроде бы по причине дорожной аварии. В самом деле, посередке из мостовой торчало что-то похожее на хвост самолета, крыша над нами была пробита, под ногами хрустело стекло и в просвете виднелось всамделишное небо, пасмурное и

серое, с клочьями разлезшихся дымных облаков. Шофер знаками показал, чтобы я карабкался за ним на насыпь. А когда я хотел забрать из багажника чемодан, приказал оставить его на месте. Ну, почапали мы, значит, с ним по рельсам, снова пропустили метро и прямиком попали в кинозал на добрых тысячу мест. Только ни кассы, ни билетеров не было видно, как и афиш или даже намека на какую-нибудь рекламу.

Посреди пустого, без единого кресла зала одиноко стояла инвалидная коляска, зато с прицепом, а в ней один-разъединый зритель, для которого крутили фильм. Меня будто кто толкнул, что это, возможно, и есть старая миссис Кейн. Одетая во все красное и обвешанная золотом и бриллиантами, она точно какая-нибудь графиня сидела развалясь в кресле, трубками и проводами подсоединенная к прозрачному ящику, тоже на колесиках. В ящике, как я сразу смекнул, невзирая на кинозальный полумрак, помещались, похоже, искусственные почки, легкие, печень и, скорее всего, сердце — невооруженным глазом можно было наблюдать, как оно бьется. А в самих трубках непрерывно кипело и булькало то еле слышно, то бурно и бегали пузырьки.

Сама же старая миссис Кейн, невзирая на свое

далеко зашедшее долголетие, заливала жажду коньяком из самой громадной, какую я только в жизни видел, рюмки. И безо всяких очков смотрела на копошащегося на экране старикашку с лысой, точно колено, головой. Как сонная муха по стеклу, ползал он по дворцовым комнатам и тростью колотил зеркала. До тех пор пока не вытянулся на кровати, успокоившись навеки, и тут в зале зажегся свет.

Старая миссис Кейн вытирала платочком слезы. То ли ей жалко было зеркал, то ли она сочувствовала старому паралитику, который один-одинешенек слоняется по дворцу. А то, может, ностальгия заела? Совсем как бабку Американского Брата Прораба из Грин-Пойнта, день-деньской торчавшую у окна и не сводившую глаз с улицы Кент — не идет ли кто. Впрочем, чужая душа — потемки.

Тем временем старая миссис Кейн махнула мне рукой — иди, мол, за мной — и покатила в своей коляске с прицепом, да так резво, что я еле поспевал. Влетев в соседнюю комнату, я обомлел: каждый предмет мебели там представлял хищного зверя — страху не оберешься; а посредине из черного лебедя бил фонтан и мерно гудел кофейный аппарат в форме кота. На стенах свободного

местечка не было — картина на картине, в количестве, намного превышавшем те, что висят в японском банке на Манхэттене, где в порядке халтуры месяц назад я драил полы.

Обходительный пожилой официант в зеленой ливрее с красными эполетами и седой головой налил нам кофе. Но когда я попросил чего-нибудь покрепче, даже ухом не повел, а подхватил свой багаж и деру. Я было подумал, что он тоже спешит на самолет, но нет, немного погодя он вернулся с еще одним, помоложе, одетым во все желтое, как канарейка, и на глазах у всех, не стесняясь, стал скатывать какую-то картину из трех частей, заполненную зверьем, голыми людьми, чертями, пожарами и еще бог весть чем. Обернули ее в клетчатый плед, очень даже возможно, что из шотландской шерсти, и только их и видели.

Как вновь прибывший я спросил старую миссис Кейн, какие тут вообще порядки. То есть должен ли я догонять и отнимать, потому что налицо воровство, или как?

Но она меня успокоила: чего уж там, пусть лучше возьмут себе, все равно пропадать, а следить, ловить и восстанавливать разрушенное в мои функции не входит, у меня найдутся дела поважнее. И велела сесть в кресло в форме медвежонка.

Тут же ко мне на колени прыгнул белый пуделек. Я не стал его шугать из опасения, что он, вполне может быть, любимчик. Официанты входили и выходили, снимая, срывая или вырезая из рам картины; наконец раскланялись и были таковы.

Тем временем на инвалидном кресле замигала красная лампочка. Включился сигнал тревоги, и старая миссис Кейн напомнила шоферу, что подошло время менять фильтры.

Шофер, что-то бурча себе под нос, пошел за аптечкой, а заодно как бы невзначай пнул меня ногой. Стиснув зубы, я сделал вид, будто мне по фигу, а миссис Кейн шепнула мне на ухо, чтоб я не обращал внимания, потому что он итальянец — ага, значит, я был прав, — ревнивый как черт и с норовом. Я вежливо ответил, что ничего и все нормально, а она доверительно сообщила, что бедняга с Сицилии и уже много лет тайно в нее влюблен, как раз сегодня опять попросил ее руки и расстроен, что она ему отказала. А отказала потому, что у него только секс в голове.

Я с грустью вставил: при росте благосостояния, мол, умственное и культурное развитие замирает. Она охотно со мной согласилась и спросила, как мне вообще в Америке и в частности в замке, потому что по акценту распознала во мне приез-

жего чужестранца.

Я ответил, что в Америке если хорошо, то лучше, чем в Польше, а если худо, то уж из рук вон. А замок самый что ни на есть огромный, какой мне только доводилось видеть.

Шофер менял фильтры в искусственных органах, а старая миссис Кейн вежливо осведомилась, не буду ли я так любезен выслушать историю ее жизни. Неудобно было отказывать пожилой женщине, хотя я совсем рассеялся вниманием из-за мельтешащих официантов, которые снова вернулись кромсать и резать, а также из-за шофера, что-то там на глазок вливавшего в пробирки и гремевшего фильтрами.

Старая миссис Кейн тем временем закурила «Мальборо лайт», затянувшись так, что в трубках стало черно, и приступила к рассказу.

Рассказ старой миссис Кейн

Я родилась в Чикаго на пересечении улиц Джорджа Вашингтона и Милуоки. Росла я красивым ребенком, а вокруг только горе с нуждой да сплошь нищая шушера. Мать была портнихой, а работала в прачечной — в самом темном ее уголке сидела за столиком с арендованной швейной машинкой марки «Зингер». Она не столько шила, сколько занималась мелким ремонтом одежды — где подрубить, где укоротить, расставить или ушить — и плакала. Плакала безостановочно, по поводу и без повода. Плакала, когда ее брат погиб на войне и когда мой отец признался ей в любви и позвал замуж, плакала суровой зимой, а надо сказать, что в Чикаго зимы всегда суровые, и солнечным летом. Рыдала, в двадцать шестой раз глядя на Грету Гарбо в роли королевы Кристины, и заливалась слезами, когда отдавала клиенту ушитые брюки и когда работавший на бензоколонке отец, прихватив из кассы всю выручку, сбежал с другой женщиной. Я не могла понять, как она с такими заплаканными красными глазами вообще попадала ниткой в иголку. А владелец

прачечной, до того как вышвырнуть ее с работы, не раз предупреждал, чтоб прекратила разводить сырость, мол, только клиентов отпугивает. Но ничего не помогало, и она продолжала плакать. Плакала умирая, плакала даже после смерти. Я сидела у ее постели, и изумленный врач, качая головой, говорил, что в принципе такое невозможно, однако у нее по щекам градом катились слезы.

А теперь я вам открою один секрет. Именно тогда, в день ее смерти, я поклялась себе, что в жизни не заплачу — пусть даже не знаю что произойдет, — и свое слово сдержала. Кстати, поэтому, хотя я не так уж молода, как вы наверняка успели заметить, кожа у меня гладкая как шелк и без единой морщинки.

Так вот, я не стала плакать, когда в возрасте тринадцати лет, вместо того чтоб ходить в школу, вынуждена была устроиться посудомойкой в паскуднейшую забегаловку под названием «Бар последней надежды», где двери не закрывались до четырех утра. Ни слезинки не проронила, когда шеф-повар и двое официантов, заманив в подсобку, больше трех часов насиловали меня на холодном полу. Впрочем, тут нечему удивляться — девчонкой я была на редкость красивой. Груд-

ки — точно высеченные из мрамора, попка литая как колокол, талия рюмочкой. С самого моего рождения мать смазывала мне голову керосином, чтобы не дай бог не завелись вши, и, вероятно, поэтому волосы у меня были чернее воронова крыла и настолько густые, что парикмахер, который потом тоже меня насиловал, сломал о них железную расческу. Ну а глаза голубые, как само небо. Но вернемся к теме нашего разговора: я не плакала, когда меня назначили в помощницы повару и мне часами приходилось шинковать репчатый лук; я даже не прослезилась от радости, когда черти взяли моего Старикана. Не плакала я и по своему скончавшемуся пару дней назад единственному сыну. И только сегодня в кинозале — вы, наверное, обратили внимание — я всплакнула впервые в жизни, кстати, сама не знаю почему.

Но… я уже упоминала, что была исключительно хороша собой? Ну так вот, меня не только без конца насиловали, но и не раз звали замуж. Предложение мне делали шесть официантов, двое вышибал, сорок постоянных клиентов и даже один поэт. Все мои ухажеры подбрасывали букеты под дверь ресторанной кухни, приглашали в свои жалкие квартирки и норовили представить

своей нищей родне.

Я же после работы и по выходным бродила в одиночестве по самым богатым районам Чикаго. Часами простаивала под окнами фешенебельных ресторанов. Вдыхала аромат сигар, запахи хорошего одеколона и вкусной еды, а также бензина шикарных авто, а из мусорных урн выуживала старые газеты. Потом бежала в свою комнатенку и читала при свече колонки светских новостей о раутах, бальных туалетах, скачках, любовных связях, самоубийствах. Я не расставалась с газетой и, ложась спать, засовывала ее под ночную сорочку, прижимая к себе так, чтоб царапало живот. Открою вам еще одну тайну. Я всегда точно знала, что заслуживаю чего-то большего, потому что красивее, лучше и способнее всей этой шантрапы. Но проблема была в том, как им это втолковать, — быдло оно и есть быдло, до него ничего не доходит. Опять же в интеллигентное общество, где меня, без сомнения, сразу бы приняли как свою, кроме как через бордель доступа практически не было.

Но я стискивала кулаки, молилась и верила, что красота и порядочность непременно будут вознаграждены и судьба мне когда-нибудь улыбнется. Так и вышло. Сначала богатую вдову, муж

которой вместе с «Титаником» пошел ко дну и у которой я дважды в неделю убиралась, разбил паралич, и она взяла меня к себе сиделкой с постоянным проживанием. Тут я уж окончательно уверовала, что Бог не оставит меня своей милостью, и мигом уволилась из «Последней надежды». Вскоре вдова отправила меня учиться в вечернюю школу медсестер, взяв на себя все расходы. Она была женщиной всесторонне образованной — до такой степени, что выписывала иллюстрированные журналы со всего мира. Теперь у меня наконец отпала необходимость копаться в мусорных баках, и, когда добрый Боженька послал мне Старикана, я была подготовлена лучше некуда. А случилось это так.

Был погожий ноябрьский день, как сейчас помню: ласково светило солнышко, с деревьев дождем сыпались листья. В такой чудесный день я толкала перед собой инвалидную коляску с моей наполовину парализованной хозяйкой, направляясь с ней на прогулку в парк. Вдруг из-за угла, на пересечении Авраама Линкольна и Джорджа Вашингтона, медленно выкатился самый длинный на свете золотистый «роллс-ройс» с затемненными стеклами. Я остановилась как вкопанная, и если у меня перехватило дыхание,

то лишь на какую-то долю секунды: фотографии этого «роллс-ройса» с одной единицей на номере я сотни раз разглядывала на первых полосах каждой без исключения светской хроники, прекрасно знала, кто в нем ездит, и мгновенно сообразила, что само небо посылает мне знак. Сперва меня прошиб пот, потом затрясло как в лихорадке, под ложечкой засосало, коленки мелко задрожали, а зубы начали выстукивать дробь, я икнула и поняла: теперь или никогда. Подождав, пока лимузин поравняется с нами, перекрестилась и, зажмурившись, бросилась вместе с каталкой прямехонько под колеса.

Бог меня хранил — авто ехало медленно, и удар получился несильным. Однако же и я и моя работодательница приземлились на мостовой. Она — с криком и сломанной рукой, а я с содранной в кровь коленкой. Шофер в ливрее, такой же, как у тех двоих официантов, которые сейчас выносят картину Гойи периода «черной живописи», выскочил из машины, ругаясь на чем свет стоит. Но я, поднявшись самостоятельно с мостовой, оттолкнула его и шагнула к затемненным окнам. Одно из них как раз начало опускаться, и показалась лысая голова Старикана. Лицо багрово-красное, вся левая половина вместе с

выпученным и тоже налитым кровью глазом перекошена, с отвисшей чуть не до подбородка нижней губы капает слюна, а в правом углу рта торчит держащаяся на честном слове сигара.

Я влюбилась в него с первого взгляда. Стояла как зачарованная и таращилась, а он окидывал меня с ног до головы оценивающим взглядом. Я вам, кажется, говорила, что была необыкновенно хороша? Мне было пятнадцать лет, и грудки мои были точно высечены из мрамора. Кстати, вы в этом можете убедиться — потрогайте. Левую тоже. Признайтесь, даже сейчас вы не придеретесь к их безукоризненной форме. И на мои ноги вы, конечно же, обратили внимание — какие они длинные и узкие в лодыжках. Тогда кровь струйкой стекала по левой. Моя распластанная на мостовой работодательница что-то отчаянно выкрикивала, но я не слушала, а только смотрела. Глядела на него во все глаза (как я уже упоминала, они у меня были огромные и голубые) и думала обо всех сходивших по нему с ума красавицах и богачках, о его печатающих правду и ничего кроме правды газетах, о банках, которые ему принадлежали, о том, что он чуть не стал губернатором, и о его легендарном замке, правда не идущем ни в какое сравнение с великолеп-

ным дворцом, в котором мы сейчас находимся. Смотрела и смотрела, пока на глаза не навернулись слезы, совсем как у моей матери. А про себя твердила только три слова: Боже, помоги сироте. Скажу вам по секрету, я уж думала, что все напрасно и ничего я не высмотрю, но тут Старикан вынул сигару изо рта, отер с губы слюни и нечленораздельно промычал одно-единственное, но самое прекрасное слово: «Полезай».

Вы, конечно же, догадались, что я сделала? Вы правы. Оставив позади ползающую по мостовой хозяйку и всю прошлую жизнь вместе со старыми платьями и спрятанными под паркетиной сбережениями, я как загипнотизированная полезла в лимузин. В голове у меня пронеслось: будь что будет, по крайней мере на собственном опыте узнаю, что такое любовь сильных мира сего, или хотя бы посмотрю одним глазком. А говорю я вам это, молодой человек, для того, чтобы вы знали, как важно в жизни уметь быстро принимать решения.

Разумеется, не стану утверждать, что не была несколько разочарована, когда Старикан, словечком со мной не перемолвившись, изнасиловал меня прямо в лимузине. Даже не сняв штанов, а только расстегнув ширинку. Повар, двое офици-

антов и парикмахер — те хотя бы раздевались. В замке я тоже ожидала увидеть побольше жизни. Огромные богатства попросту пропадали впустую. Напрасно я клала Старикану на кровать телеграммы с приглашениями, напрасно к нему приезжали гости и репортеры — все получали от ворот поворот. С тех пор как его бросила жена, Старикан никого к себе не допускал и сам никуда не ездил. Дни и ночи напролет слонялся в пижаме по замку и бил венецианские зеркала, которые тут же заменялись новыми, швырял в меня подносы с едой и вообще по отношению ко мне вел себя так же, как при нашей первой встрече тогда, в машине. Примерно через год, несмотря на то, что я женщина сентиментальная и крайне привязчивая, я начала в нем постепенно разочаровываться, пока совсем не разлюбила. Конечно, все это было весьма печально, однако, как ни крути, замок это замок, а не «Бар последней надежды». Я решила выдержать все до конца и забеременела от него. Узнав об этом, Старикан впал в такое бешенство, что я думала, он меня убьет. Не дал мне ни гроша и велел убираться с глаз долой. Когда за мной с треском захлопнулись ворота и я потащилась вниз с холма с огромным животом и маленьким чемоданчиком, чувствуя

себя изгнанной из рая, я все равно не дала волю слезам и решила вернуться в Чикаго. Моя прежняя хозяйка в то время была уже парализована с головы до пят, и у нее была новая сиделка, мои вещи вышвырнули, а паркет заменили. Пришлось снова поступить на работу в «Последнюю надежду». И все началось сначала: грязь, нищета и хамские шуточки. С отчаяния я проговорилась одной из посудомоек, что брюхо нагуляла от Старикана, а она растрезвонила остальным. Никто, конечно, не поверил, только вся эта голоштанная шантрапа еще пуще принялась надо мной измываться.

Когда родился маленький Кейн, я сообщила об этом Старикану, но он даже не соизволил ответить. Мой прелестный, как девочка, сыночек стал для меня единственным светом в окошке. Боже, как же он обожал шить! Все время проводя со мной на кухне, он забывал попить-поесть, глаз не смыкал, а все только шил и шил день и ночь напролет — может, пошел в свою бабку? Знакомый портной давал ему лоскутки, а он кроил, сшивал и обметывал петли.

Когда моему малютке исполнилось пять лет, Старикан вдруг о нас вспомнил. Перед баром появился «роллс-ройс», голодранцы рты поразе-

вали, а я второй раз в жизни все бросила, ничего с собой не взяла. Без колебаний сняла и швырнула на пол халат, скинула деревянные сабо и, послав всех к черту, села в машину. А мой малыш Кейн — я придумала ему эту фамилию по созвучию с фамилией отца — захватил с собой одну только подушечку с иглами и две катушечки ниток.

Я опасалась, что Старикан нам с сыночком житья не даст, но вышло еще хуже. С первой же минуты он полюбил Кейна, а вот мне запретил показываться на глаза. Забрал у меня моего мальчика. Взамен своего прелестного малыша я получила комнату в замке, одну горничную, трехразовое питание и неограниченный доступ к алкоголю. Я ужасно страдала, но, как вы, наверно, догадались, если внимательно слушали мой рассказ, не плакала. Старикан устроил в замке огромный кинозал, правда не такой роскошный, как тот, в котором вы меня нашли. Приказал поставить в нем два кресла, только два! И часами смотрел там с моим малюткой «Снежную королеву». Боже, как он его баловал! Когда Кейн отказался ходить в школу, Старикан самолетами доставлял к нему учителей французского, рисования, кройки и шитья прямо из Парижа, Лондона и Рима, каждую неделю новых.

Мой сыночек обожал живопись, а у Старикана, как вы, вероятно, слышали, была фантастическая коллекция. Малыш пристрастился вырезать куски холста из картин Микеланджело, Тициана, Веласкеса и Рембрандта и шить из них вечерние платья и шлафроки. Старикан позволял ему все, а мой малютка обладал потрясающим чувством цвета и невероятным талантом к композиции. Он любил переодеваться девочкой. Ах, он был просто неотразим, когда надевал длинные черные чулки и подвязки! На подвязках он собственноручно вышил розочки. Уже тогда я не сомневалась, что его ждет захватывающая жизнь дизайнера.

Разумеется, я не собираюсь рассказывать вам во всех подробностях о детстве моего маленького великого художника. На эту тему его биографы накропали пару сотен томов, надо сказать, весьма поверхностных. От вашего внимания, конечно же, не укрылось, что я стараюсь как можно реже упоминать о его отце. По возвращении в замок я разговаривала со Стариканом только один раз. Это было сразу после бомбардировки японцами Перл-Харбора, когда моего мальчика призвали в армию. Я на коленях умоляла Старикана освободить сына от службы, для него это было пустяшным делом — всего один звонок.

Но Старикан уперся — и ни в какую, твердил, что послужить в армии и особенно повоевать никому не помешает. Он якобы где-то вычитал, что мужчина, никого в жизни не застреливший, все равно что девственник.

Но у любящей матери сердце-вещун. Мой мальчик, всего несколько часов прослужив в морской пехоте, впал в глубокую депрессию, поначалу перестал принимать пищу, потом отказался от воды, и вскоре его поместили в госпиталь, а затем комиссовали из армии. Врачебная комиссия вынесла вердикт: причиной нервного срыва послужило тоскливое единообразие солдатских мундиров.

А потом… потом Старикан умер. Сами понимаете, в каком напряжении я ожидала оглашения завещания. Старикан всегда был непредсказуем, он даже не позволил сыну носить свою фамилию и официально его так и не признал. Но в завещании отписал ему все. Тогда я полюбила его во второй раз.

Мой мальчик часто говорил, что ненавидит отца и никогда не простит ему безобразного обращения со мной. Но иногда мне кажется — по-своему он все же его любил. Не случайно же моему сыночку так нравился фильм «Снежная

королева». На похороны он, правда, не приехал, но в телеграмме сообщил, что прилетит позднее, чтобы продать замок. Уже тогда он вынашивал идею строительства нового замка, еще грандиознее, еще роскошнее отцовского, где под одним куполом было бы собрано все самое прекрасное и ценное, что только есть на свете. И вот вы видите этот шедевр.

А пока прямо из госпиталя он уехал во Францию изучать работы по дизайну армейской формы периода наполеоновских войн. И именно там, в оккупированном Париже, впервые поразил мир своим талантом. Не думаю, чтобы кто-либо еще сделал больше для сражающейся Франции, чем мой восемнадцатилетний мальчик. По сей день помню, как я была горда, когда генерал де Голль лично вручил Кейну орден Почетного легиона. Но об этом я расскажу как-нибудь в другой раз: через полчаса у меня самолет, мне ведь еще надо вам заплатить, а чековая книжка в машине.

Рассказ Кубы

Этими словами она задела мою слабую струнку. Стряхнув с колен пуделька, я вскочил с кресла. Хоть я и не шибко расчетливый, но не такой уж лох, меня не проведешь, я знаю, как деньги могут скрасить жизнь. А после того, как я купил на распродаже непромокаемые ботинки от Тимберленда рыжего цвета, чистошерстяные носки и индийскую рубашку, в карманах у меня зияла та самая пресловутая дыра.

Между тем Антонио вынул из коляски старую миссис Кейн, сгреб в охапку и понес, а я ухватился за кресло-каталку со стеклянной тележкой и осторожно, чтобы не перепутались провода, полез за ним на насыпь. Однако уже через пару шагов характер Антонио дал себя знать, и произошел форменный скандал. А именно: шофер-итальянец схлопотал по морде за то, что, воспользовавшись ситуацией, начал прилюдно, на виду у всех лапать старую миссис Кейн. В ответ она распорядилась, чтобы мы поменялись местами. Антонио полез было в бутылку, но, видимо, как глава семьи она забрала такую власть, что

отбрехиваться имел право только ее пуделек. Так что теперь на руках ее нес я, что, кстати, было куда легче. А Антонио, видать непривычный к физическому труду, пыхтел позади с инвалидной коляской. По пути я, чтобы она не забыла про чек, намекнул, мол, деньги значат много, но не все, потому что любовь на них купить невозможно. Она, как это услыхала, сразу обрадовалась, что оставляет замок в надежных руках.

Я успел уже перебраться через рельсы на другую сторону и готовился спускаться с насыпи, а Антонио все еще карабкался в горку, когда как назло на всех парах подлетел скорый поезд. Антонио прибавил газу, но, оступившись, грохнулся. Заорав от страха, я хотел повернуть назад, однако было уже поздно. Так мы и стояли: я по одну сторону рельсов, Антонио сопел по другую, а натянувшиеся провода, будто только того и ждали, угодили прямиком под колеса. Из трубок прыснуло во все стороны желто-зелено-голубым. И старая миссис Кейн начала с шипением, точь-в-точь как проколотый мячик, съеживаться в моих руках. Господи Иисусе, свят-свят, если так дальше пойдет, накроется мой чек и останусь я несолоно хлебавши. Бухнувшись на колени, я попробовал пальцами и полами пиджака затыкать трубки,

но куда там. С перепугу, стараясь подбодрить старуху, я вякнул что-то о божьем милосердии, но, видно, она была из неверующих: только рассмеялась мне в лицо, продолжая таять на глазах. В следующую секунду золотые часики и прочие украшения со звоном покатились по насыпи. Я начал молиться про себя, а тем временем поезд укатил и показался Антонио весь в песке. Он только глянул и — даже не отряхнувшись — бегом к машине, распахнул багажник и гаркнул: «Давай скорей, закидывай ее сюда!»

На это я отважиться не смог, а подбежал к нему с тем, что у меня осталось, а осталось-то всего ничего — кожа да кучка костей. Тем временем Антонио разделся догола и начал для дезинфекции от макушки до пяток обрабатывать себя алкоголем, и видно было, что это ему не в новинку. Потом надел маску, вооружился сварочным аппаратом и принялся за дело: разматывал кабель с огромной бобины, что-то сваривал, брызгал клеем «Крейзи Глю». Работа кипела у него в руках. На моих глазах этот шофер превратился в другого человека. Резал, монтировал, прилаживал, накачивал воздух, лил что-то сразу из нескольких бутылей — в общем, крутился как белка в колесе, и починил-таки без моей помощи старую

миссис Кейн. Я «Отче наш» не успел дочитать, как в трубках весело забурлило, а миссис Кейн, жалуясь только на легкую головную боль, уже выписывала мне чек за июль в размере двухсот тысяч долларов.

Таким вот образом в одну минуту состоялось мое превращение из нелегального иммигранта в уважаемого человека, может, даже с высшим образованием. Я бросился целовать ей ручки, еще чуток холодноватые, а шоферу признался, что был по отношению к нему несправедлив. Хотел даже его как родного прижать к груди, только он не выказал особого желания, зато принялся подбирать с земли драгоценности: брильянтовые кольца, ожерелья, серьги, браслеты — и, вероятно чтоб не тратить зря время, швырял их прямо в багажник. В два счета укрепив инвалидную коляску на крыше автомобиля, он уже без всяких нахальных выходок усадил в нее старую миссис Кейн, сам вскочил в машину, и только их и видели.

Пуделек пытался влезть третьим, но Антонио, схватив его за шкирку, вышвырнул вон, да так, что тот еще долго, поджав хвост, кружился на месте и скулил. Я помахал им вслед зажатым в руке чеком, потом положил было его в карман пиджака, передумал, спрятал в чемодан, опять

достал и в конце концов засунул в ботинок — что ни говори, подарок судьбы. Радость мою слегка отравляло беспокойство, где бы мне его обменять на кэш, то есть, говоря языком финансистов, где обналичить чек, когда все кругом закрыто, и даже если удастся его поменять, то куда спрятать такую кучу денег и кто мне заплатит за август, коль скоро все удирают.

Но я решил не забивать себе голову и вскоре уже предавался сладким мечтам о том, что с такими-то деньжищами вполне можно остепениться и завести себе бабенку, лучше всего в Польше. Да, но для начала надо сперва познакомиться — не на первой же попавшейся жениться. Впрочем, это пара пустяков, у тетки широкие связи по этой части. А кроме того, признаться, кухарка уже вроде как вскружила мне голову, и если бы, к примеру, оказалось, что она верующая католичка, то, кто знает, может, я и не стал бы вникать, какой у нее цвет кожи и есть ли приданое, и дело с концом. Так я раздумывал, шагая по шпалам и только успевая пропускать поезда. Никакого даже внимания не обращая ни на фрагменты Древнего Египта, ни на забитые досками отели с вывесками то ли на французском, то ли на английском, а может статься, на немецком языке, тоскуя по своей

родной деревеньке, где мне знаком был каждый кустик и камешек, и по Кельце, где я знал каждую забегаловку. Продвигался я по железнодорожной насыпи, строго следуя указателям, которые мне нарисовала кухарка, и только когда споткнулся о пуделя, до меня дошло, что собачонка не на шутку ко мне привязалась, невзирая на то, что пару раз я угостил ее по хребту камнем.

А вокруг одна большая свалка и полный разгром. Сломанные кресла, разбитые буфеты, разодранные картины, раскрытые чемоданы — верно, вылетевшие из окон поездов, — ножи, вилки, вполне возможно, что и столовое серебро, теннисные ракетки и — ни живой души. Даже страх меня взял, не попутал ли я дороги и не заблудился ли часом.

Только вижу вдруг вдалеке по левую сторону от путей вроде бы как из трубы валит дым. И тут же из-за поворота показался покосившийся домик, что-то наподобие избушки на курьих ножках. Сердце у меня сжалось — выглядел он совсем как наш, родимый. На заборе весело пузырились простыни с пододеяльниками, большого и маленького размера трусы, ребячьи и дамские, и даже бюстгальтер. Вокруг носилась пацанва числом не меньше дюжины, похожая на нашу,

только разноцветная, и, беззаботно гомоня, связывала по нескольку в пучок короткие толстые брусочки, как будто бы динамитные. А на самом порожке, приставив ладонь ко лбу козырьком, как от солнца, хотя тут везде было электричество, стояла одетая во все белое кухарка.

— А что, ребятишки эти — ваши детки? — спросил я, малость испугавшись, потому как, хоть вообще-то люблю мелюзгу, этих все-таки было многовато.

— Ну и шутки у вас, — ответила она. — Я женщина порядочная, к тому же девица. Это все подкидыши. Знаете ведь, как оно бывает. Родители приезжают с детьми замок посмотреть, а на обратном пути забывают прихватить с собой детишек.

Я вздохнул с облегчением, а кухарка тем временем приласкала пуделька, который крутился возле ее ног, повизгивал, вилял хвостом и вообще, похоже, страстно желал зацепиться здесь навсегда.

— С ходу могу сказать, что вы человек хороший. Животные вас любят, — заметила кухарка.

Я попросил веревку, но у нее не нашлось, так что я взял у ребятишек кусок проволоки. И привязал пуделька к забору, вроде как ей в подарок,

чтоб дом сторожил.

Из благодарности она пригласила меня внутрь. Стол был накрыт в мою честь, только, к сожалению, не по-нашему, а по-мексикански: в основном все какие-то блинчики, к моему разочарованию, несладкие, зато начиненные желтым рисом и черной фасолью с наструганным зеленым авокадо. Кухарка деликатно выспросила, как и что с чеком, потом сказала, что она с детишками уже отобедала, но охотно составит мне компанию, посидит посмотрит. Враз почувствовав зверский голод, вместо ответа я основательно прошелся по блинчикам, потом выложил на стол извлеченную из чемодана колбасу, следом «Шопена» и щедрой рукой разлил по стаканам. Кухарка между тем уселась поудобнее, так что юбка у нее задралась по самое некуда, открывая взору панталоны и ляжки, красиво поросшие черным курчавым волосом, как у оленя, что, как известно, свидетельствует о страстности, но одновременно и о твердом характере. Я подумал, как сильно мне в жизни недоставало женщины — доброй, заботливой, потому что, как я уже упоминал, мать я потерял рано, а тетка, даже самая наилучшая, мать все равно не заменит.

Порядочно уже подкрепившись, я поднял

тост, тот самый, который обычно поднимал в Грин-Пойнте Американский Брат Прораба, — за здоровье прекрасных дам. Потому что, если дамы будут здоровы, и с нашим здоровьем все будет в порядке. Мы чокались и пили стакан за стаканом, то залпом, то по глоточку, с расстановкой, но неизменно глядя друг другу в глаза, как велит старый мексиканский обычай. По прошествии недолгого времени в бутылке показалось дно, и тогда вдруг кухарка любезно дала мне выпить из своего стакана. Меня даже дрожь пробрала, и я не преминул заметить, что если кто выпьет из чужого стакана, то узнает мысли другого человека, на что она захихикала и кокетливо пихнула меня в бок. Очень я от этого возбудился и думаю себе: а если набраться смелости и ее чмокнуть. Ну что мне, в конце концов, может грозить? Самое большее, как Антонио, схлопочу по морде. Я потихоньку придвинулся вместе со стулом, и кто знает, чем бы все это закончилось, не загрохочи за окном поезд, и дом вдруг затрясся — понятное дело, рельсы-то рядом.

Но вдобавок, как говорится, мало этого: через открытое окно влетел и шлепнулся на стол выкинутый скорей всего и даже наверняка из проходящего поезда завязанный у горловины

шпагатом куль нетипичной формы. А в нем что-то шебуршало, подпрыгивало и повизгивало, как если бы, к примеру, внутри была небольшая свинья или опять же крупный поросенок. Детвора, видимо распираемая любопытством, гурьбой ввалилась со двора в дом и окружила стол, наперебой крича и требуя немедленно развязать мешок. Я, как и полагается, сперва бросил взгляд на кухарку — женщина ведь, первое слово за ней, но та махнула, чтоб я приступал.

Для начала перекрестившись, я засунул внутрь пятерню и нащупал что-то сильно кудлатое. Сразу же следом высунулось девичье личико, потом голая шейка, обмотанная веревкой и с табличкой, на которой значилось: «Дочь Кейна». Голова распахнула глаза, очень даже красивенькие, хотя хитроватые, потому что карего цвета, и затараторила как заведенная: «Папочка, я здорова, чувствую себя хорошо, но если ты не пришлешь денег, мне перережут горло». Я подумал, что голова не за того меня приняла, и хотел прояснить недоразумение, но, вижу, она меня совсем не слушает. Еще больше меня удивил тот факт, что при нормальной голове, симпатичном личике с правильными чертами и густых, хотя давно нечесаных волосах по мешку было видно: девчушка

вроде коротковата, как бы недоукомплектована. Тем временем ребятня начала на меня наседать, перекрикивая друг дружку, с требованием, чтоб я ее вытянул из мешка целиком. Я потянул, и она вылезла наружу — голая по пояс, с торчащими, как собачьи уши, сиськами. Дальше я не стал ее вытягивать, потому что кухарка огрела меня по физиономии со словами, что де разочаровалась во мне, что я, мол, такой же, как все мужики, и думаю только об одном. Запихнув голову, которая без передыху талдычила одно и то же, обратно в мешок, она крепко-накрепко его завязала и швырнула на пол, не слушая моих оправданий насчет трагического недоразумения и клятвенных заверений, что с мужской точки зрения меня совершенно, ну совершенно не интересует особа из мешка. В ответ кухарка погрозила кулаком и замотала головой, чтоб я себе не воображал, будто с ней у меня так же легко пойдет, как с другими.

И, в подкрепление своих слов, постлала мне кое-как на стоявшем в углу колченогом топчане. Потушила свет, ничуть не стесняясь, прямо на моих глазах натянула поверх одежды ночную сорочку и залезла в кровать. Часть детворы забралась к ней, а остальные притулились где попало. Мешок на полу без устали что-то лопотал, но

скорее всего сам с собой.

Что было делать? Пристроив ботинки с чеком в головах — от греха подальше, — я снял пиджак и растянулся на постели. Сон, правда, никак не шел, да и кухарка ворочалась с боку на бок, придавливая ребятню, пока не подала голос, обратившись ко мне с вопросом, спал ли я уже когда с женщиной и как это выглядит.

Я честно, как на духу, ответил, что ничего нет прекраснее в жизни, чем физическая близость двух людей, особенно если они противоположного пола. Кухарка как особа впечатлительная, видно, ударилась в мечты, потому что вздохнула пару раз, и я за ней — из вежливости. Даже хотел что-то приятное добавить, да заснул. Последнее, что я слышал, это как пудель под дверью тихонько поскуливал, верно, не привычен был к проволоке и малость задохся.

Когда я утром продрал глаза, кухарка, косо на меня поглядывая, подала мне кофе с молоком и ломоть хлеба с маслом, посыпанный сахаром. На столе уже ждал сделанный ее рукой любительский рисунок, на котором было обозначено, где останавливается поезд и как мне доставить к нему мешок — чтоб глаза ее на него не смотрели; детей и след простыл.

Размышляя о превратностях судьбы, я поплелся на станцию. Поезд, как она и пообещала, был без машиниста, без билетов и в нужную мне сторону совершенно пуст. Останавливался автоматически и трогался так же. Через две остановки я сошел, строго следуя плану, и очутился возле построек, по виду напоминавших казармы. В караулке — ни души, зато из ворот один за другим выезжали до отказа набитые охранниками грузовики. Сколько я им ни махал, никто даже в мою сторону не взглянул, пока наконец какой-то мужик, менявший проколотое колесо, можно сказать, земляк, потому что, как выяснилось, был из Германии, не указал мне, где проживает самый главный и личный телохранитель.

Мне здорово не повезло: как на грех я попал под горячую руку, потому что тот аккурат складывал автоматы и гранаты, а также связанные в пучки брусочки, похожие на те, какими играли детишки, в три чемодана и очень спешил. Хоть ростом он и был невелик — каких-нибудь метр семьдесят с кепкой, — однако мускулы у него под пиджаком так и играли, не хуже, чем у породистого жеребца.

Моя персона у него доверия не вызвала — сперва он ощупал меня с ног до головы, видать, на

предмет оружия. И только потом развязал мешок. Разволновался не на шутку, даром что bodyguard, сунул девчонке плитку шоколада и, утерев навернувшиеся слезы, снова завязал мешок, наверно, чтобы пыль не попала. Ну а уж после попросил меня сесть на второй, под завязку набитый гранатами чемодан, который никак не хотел закрываться. Я объяснил ему мое положение, так, мол, и так, а он, кивнув, повел свой рассказ.

Рассказ Стивена, шефа телохранителей

Родился я в Лос-Анджелесе, точнее, в Санта-Монике — угол Одиннадцатой улицы и Оушн Паркуэй. С детства я ростом не вышел и в придачу был тощий — кожа да кости. Быть низкорослым и в придачу тощим, сами понимаете, приятного мало. Вам приходилось бывать в Санта-Монике? Нет? Ну тогда вы не знаете, что значит быть маленького роста и в придачу тощим. В Санта-Монике вся жизнь протекает на пляже. Там рождаются, занимаются серфингом, надираются, трахаются, тонут, умирают. А в Рио-де-Жанейро когда-нибудь были, на Копакабане? Нет? Ну так я вам скажу: в Рио, если мужчина низкорослый и в придачу тощий, и ко всему прочему ноги у него тонкие, а у меня ко всему прочему ноги были как палки, то он стесняется показаться на пляже. А если стесняется показаться на пляже да в придачу с характером, то либо стреляет себе в висок, либо лезет в петлю, либо, глотнув для верности яду, идет топиться. В Санта-Монике дела обстоят получше, чем в Рио, однако ненамного. А

я жил в Санта-Монике и был маленького роста и в придачу тощий.

Грудь у моей матери для примерной католички, какой она слыла, была внушительных размеров, в придачу она без конца за меня молилась. У обеих сестер буфера были почище материных, и они безжалостно мной помыкали. Отец, мужик ростом под метр девяносто, вкалывал на «Дженерал моторс» и в придачу меня стеснялся. Стеснялся, когда выпадало свободное время, но вообще-то у него времени ни на что не хватало, потому что он целиком посвящал его автомобилям — конек у него был такой. То есть, точнее, ему позарез было нужно, чтобы люди покупали машины и ничем больше не занимались. Не ели, не пили, не поддавали, не трахались, а только покупали и только автомобили. Но для того чтоб они начали их покупать и ничего больше в придачу не делали, надо было довести до ручки городскую транспортную сеть в Лос-Анджелесе. Вам, наверное, не надо говорить, что этот город когда-то славился на всю Америку самой лучшей системой городского транспорта? Трамваи и автобусы курсировали исправно, и в автомобилях не было особой нужды. Так что моему отцу и еще парочке таких же, как он, торговавших ав-

томобилями и в придачу строивших автострады и мотели, потребовалось целых двадцать лет, чтобы окончательно разрушить транспортную систему города. Я понимаю, дело было нелегкое, но никак не может служить отцу оправданием, чтоб не заниматься единственным сыном, пускай даже низкорослым и в придачу тощим. Когда отец довел до конца свое черное дело и городского транспорта почти не осталось, зато на каждую семью приходилось по автомобилю и в придачу еще по одному запасному, он купил большой дом в Малибу и только тут огляделся: нет ли где поблизости меня и не подрос ли я или хотя бы, на худой конец, не прибавил ли в весе. Как рассказывают, раз он даже позвал меня по имени. Но для меня это уже никакого значения не имело: к тому времени меня уже зачислили в «зеленые береты».[2]

Если вас интересует, как я, низкорослый и в придачу тощий, попал в ряды «зеленых беретов», то нам с вами придется вернуться в давно позабытые школьные времена. Я говорил, что был низкорослый и в придачу тощий? Так вот, из-за этого ни на уроках, ни после уроков ни

---

[2] Примечания: 2
Десантно-диверсионные войска особого назначения.

одна, дословно ни одна киска не хотела со мной не то что знаться, даже в щечку чмокнуть. Вы мужчина из себя видный, вам этого не понять. У меня же без перерыва и без всякой надежды мало того, что постоянно был на взводе, еще и стрелял очередями. А знаете, как тяжело жить без всякой, пусть даже маленькой, надежды? Я мало что был низкорослый и тощий, так в придачу чуть не свихнулся. И кто знает, что бы из меня выросло, ведь мог бы, к примеру, как говорится, сбиться с пути, если бы не тренер школьной футбольной команды Майкл Мичел. Мало что он заменил мне отца, так еще привел за руку в тренажерный зал, взвалил на меня штангу, обложил гантелями и каждый божий день повторял: «Ты должен качаться, Стив, это единственное, что тебя в жизни может спасти. Не будешь качаться, Стив, любая, самая распоследняя шестерка будет, Стив, иметь тебя вдоль и поперек, как я». Говоря так, он намекал на тот факт, что, когда мне было десять лет, он меня трахнул и потом повторял это регулярно, в придачу силком, три раза в неделю последующие пять лет. Майкл враз сориентировался, что у такого коротышки, как я, инструмент должен быть солидный. Как известно, после сотворения мира Бог развесил все члены на веревочке, и

коротышки расхватали самые длинные. Да-да, уж поверьте. Если я и благодарен кому в жизни, так это прежде всего Майклу Мичелу, а в придачу мистеру Кейну, но это уже много позже. Благодаря Майклу я избавился от комплексов, он, так сказать, сделал из меня человека. Уговорил заняться кунг-фу, и оказалось, что я — талант: уже через три месяца я сломал ему руку. Коротышкой я так и остался, но тощим в придачу уже не был. Потом я занялся карате и через полгода сломал Майклу ногу аж в четырех местах. Боже, как он мною гордился и, когда я навещал его в больнице, плакал от счастья и в придачу назвал меня своей Галатеей. Мало сказать, что он был человеком добрым, в придачу он был начитанный. К сожалению, мир полон зла и несправедливости; так вот я отплатил ему злом за добро. Ну, понимаете, сил моих не было смотреть, как он запал на одного парня из моего класса. Я предупреждал, чтоб он прекратил, но Майкл и ухом не повел. И пришлось, как ни было жаль, обвинить его в растлении малолетних; Майкла арестовали, он вылетел с работы, а выйдя из тюрьмы, мало того, что не пожелал со мной встретиться, так в придачу бросился под поезд. Я же сверх программы занялся стрельбой из стрелкового оружия.

Что касается мистера Кейна, то познакомились мы с ним в Сайгоне. Я как раз руководил эвакуацией посольства — вьетконговцы были уже в двух шагах. Сами знаете, каковы люди. Они там чуть не поубивали друг друга за места в вертолетах, а вот мистер Кейн и мистер Жан-Пьер стояли насмерть и ни в какую не соглашались лететь без двоих четырнадцатилетних вьетнамцев — супермоделей. И знаете, в этом был весь Кейн, он в придачу заботился о каждой топ-модели как о самом себе. Чего тут говорить, широкой души был человек, потому-то его и полюбил весь мир. Короче, я тоже, как говорится, человек, так что они улетели вчетвером только благодаря мне. Я велел пропустить вьетнамских мальчишек вместо одного сотрудника посольства с женой. Вы не поверите — мистер Кейн еще в воздухе предложил мне сотрудничество.

В одну минуту я не без сожаления бросил армию и в придачу перебрался в Нью-Йорк, прямиком в Кейн-тауэр на шестьдесят пятый этаж с видом из окон. Мистер Кейн занимал двенадцать комнат на самом верхнем, шестьдесят восьмом. Под ним проживала в одиннадцати комнатах Жозефина, то есть миссис Кейн, в придачу с дочкой, то есть так было до развода, потом этот этаж

заняла его последняя жена, Соня, с которой он впоследствии переехал в замок, где она три дня назад самолично закрыла ему глаза. Целый этаж непосредственно под ними занимали повара, горничные, уборщицы и прочая шваль. А на шестьдесят пятом, как я уже говорил, жил я и в придачу сорок три моих сослуживца по Вьетнаму. Про остальные этажи промолчу, потому что это тайна! Хотите я вам кое-что скажу в придачу — как на духу? Получал я много почти ни за что. А все потому, что работа на мистера Кейна была детской забавой. Вы не поверите, но на протяжении первых сорока пяти лет на мистера Кейна было всего-то тридцать три профессиональных покушения. Естественно, я не беру в расчет таких подлянок, как бомбы в письмах, посылках, автомобилях или самолетах. Ситуация обострилась, когда мистер Кейн раскрутил в придачу собственное телевидение и начал выпускать свои знаменитые «Новости Кейна». В общем и целом все шло как по маслу: мы с сербами, албанцами, русскими, китайцами либо вождями хуту заранее садились и договаривались, какие районы будут в тот или иной день разбомблены или, скажем, население каких деревень вырезано, ну и на следующее утро сразу после завтрака уже были

тут как тут с кинокамерами. Одно мне совсем не нравилось: мистер Кейн в придачу взял привычку летать туда со съемочной группой и на месте лично осуществлять контроль. От этого я начал преждевременно седеть. Вы только посмотрите, мне еще и семидесяти нет, а я уже седой, о, здесь и вот здесь. Должен сказать, нервы у мистера Кейна железные, даже когда из-за общей неразберихи в наземных службах наш самолет подстрелили (по пьянке, скорей всего) ооновские миротворческие силы и мистеру Кейну пришлось катапультироваться, он отнесся к этому с юмором и падал с улыбкой на губах.

Только однажды я видел, как он вышел из себя, буквально потерял над собой контроль. А произошло это в восточном Тиморе. В тот раз генерал Макарим, кстати, человек вообще-то солидный, слишком поздно предупредил нас о готовящейся резне, должен прибавить, на редкость впечатляющей: в программу входило сжигание живьем, отрезание голов мачете и в придачу насаживание младенцев на штыки. Ну а из-за этого опоздания мы прилетели уже к шапочному разбору. Местами там, правда, еще убивали и насиловали, но на главную новость для спецвыпусков Кейна это уже не тянуло. Они попробовали было уладить

дело — паблисити им ведь тоже необходимо, — пытаясь всучить нам кассету с любительской съемкой резни. Но мистер Кейн такой дешевки не допускал: швырнул кассету на газон и в придачу растоптал ее ногами.

Честно говоря, больше всего проблем было с этой его дочкой. Никакими человеческими силами не удавалось за ней уследить. Наверно, в основном тут была виновата Жозефина. Это она настояла, чтобы у дочери было нормальное детство, и запросто отправляла ее в обычную школу, в придачу с совместным обучением, приставив небольшую охрану. Не мне вам рассказывать, каковы люди. Из-за людской злобы и алчности девочку в среднем два раза в неделю похищали, а на мою голову только лишние хлопоты. Во-первых, приходилось набирать новых телохранителей на место застреленных, а в придачу доставлять похитителям выкуп. Конечно, мистер Кейн, как всякий родной отец, обожал свою Бетани и выкуп платил не торгуясь. Только один-единственный раз эти портачи из ФБР убедили его отказаться от переговоров, и вот тогда ее начали в придачу кромсать. Как сейчас помню, шесть недель кряду каждый божий день, даже в праздники, ее доставляли по кусочку с утренней почтой, как живой

укор. Начали с пальцев ног — это еще мистер Кейн как-то пережил, но когда прибыл первый срез с живота, он сломался.

А надо сказать, что способ, которым была доставлена последняя посылка, повсеместно вызвал взрыв возмущения у отцов, матерей и детей всего мира. Окровавленный ошметок выпал из поздравительной телеграммы в тот самый день, когда мистер Кейн открывал в «Уолдорф-Астории» в окружении супермоделей обоего пола свой «белый год». Год, на протяжении которого, как он торжественно объявил, будет — в знак протеста против популизма, отсталости «третьего мира» и углубляющейся пропасти между бедными и богатыми — пить только белое вино, есть только белое мясо и в придачу одеваться только и исключительно во все белое. Представляете, как это подпортило праздник? Тогда-то он и велел мне передать похитителям деньги.

Бедняга мистер Кейн, может, и хорошо, что он до такого не дожил. На что это похоже: дочурку возвращают без всякого выкупа. Уж точно, поверьте мне, в мире все перевернулось вверх тормашками. Голову даю на отсечение, что и теперь мистер Кейн рвался бы заплатить выкуп, хотя, когда ее всю пообкромсали, сами посудите,

на что она такая нужна?

Остальное я доскажу потом, теперь мне пора ехать. Знайте: вы мне нравитесь. А что до мешка, то лучше всего отнести его Жозефине. Как мать она, так сказать, в придачу обрадуется.

Рассказ Кубы

Таким вот образом главный телохранитель выкрутился из положения, а я остался с мешком. Но делать было нечего. Еще и помог ему стащить чемоданы, чтобы джип внизу не надрывался гудками зазря; в общем, проводил, помахал вслед рукой и волей-неволей поплелся куда меня послали, благо что близко, то есть по адресу проживания предпоследней жены мистера Кейна, матери этой, из мешка.

Апартаменты, куда я попал, напоминали дворцовые залы, но что там творилось — форменный цирк: крик, шум, прислуга носится как угорелая, везде навалены горы сумок, чемоданов и даже кофров. Шофер то ли в чалме, то ли в тюрбане, черт его знает кто, возможно, даже и индус, выкатывал из гаража один за другим четыре лимузина — верно, на выбор. Ни я, ни мой мешок ничьего внимания на себя не обратили. Единственное, чего мы добились, так это то, что меня без конца пихали, задевали, гоняли с места на место, и каждый указывал пальцем в другом направлении. В такой ситуации мне ничего не

оставалось, как действовать на свой страх и риск, то есть тарабанить свою ампутированную из залы в залу, попутно глазея на камины, огибая кресла и протискиваясь между диванами и светильниками на подставке, кто знает, может статься, что и золотыми. И тут вижу, неподалеку от бьющего фонтана перед зеркалом во всю стену скорее лежит, чем сидит, и скорее на столе, чем на кровати, скорее женщина, чем мужчина, хотя и женщиной в полном смысле не назовешь. Тело вроде бы еще туда-сюда, примерно женское, но голова точно то ли кошачья, то ли, скорее всего, тигриная. Что касаемо лба, то он занимал полголовы, а над ним под электросушкой развевалась шатенистая грива, вроде как и конская, но, однако, скорее львиная. Щеки пухлые, губки, как это у кошек бывает, бантиком, нос, опять же на манер кошачьего, треугольником. В точности, как я сейчас описал, мне ее сперва разглядеть не удалось — вокруг, галдя, толпилось человек двадцать не то женщин, не то мужчин, не разобрать, и все в белых халатах. Одни это чудо-юдо растягивали, другие массировали, третьи, четвертые, пятые — кто обтирал влажной губкой, кто сушил, кто намазывал кремами либо работал кисточками, похоже, делая макияж, не считая остальных,

которые припудривали.

Я попробовал было к ней протолкнуться, но куда там: только протиснусь поближе, как меня отпихнут, и так несколько раз подряд — я туда, а меня обратно. На мое счастье, она — возможно, из-за шума — открыла сперва один глаз, потом второй, опять же как у кошки, треугольничком и горящие, а в тот момент еще и влажные. Скорей всего и я сам, и мешок отразились в зеркале, потому что она вдруг как заголосит: «Деточка моя дорогая, маленькая моя, счастье мое, единственная моя, радость моя!» Мешок тоже, видать, ее по голосу признал, поскольку прекратил бубнить и давай орать во все горло: «Мамочка! Мамочка!» Ну и стало понятно, что, похоже, скорее всего передо мной собственной персоной бывшая жена мистера Кейна, то есть сама Жозефина Кейн.

Вся толпящаяся вокруг орава, тронутая до глубины души, еще энергичней принялась мять, мазать и махать кисточками, а миссис Кейн, хоть и прикрыла оба глаза, про дочь явно ни на секунду не забывала, потому что крикнула: «Доченька моя, что у тебя за вид. Неухоженная, растрепанная, бледная, голодная».

И велела немедленно привести ее в порядок, накормить, умыть, а перво-наперво причесать.

Не могу сказать, чтоб меня не задела за живое эта картина: подумать только, мать, даже не глядя на завязанный мешок, способна сердцем видеть все насквозь. Сразу четверо мужчин и две женщины подскочили и, распутав узел на мешке, вытащили калеку на белый свет. Мужская половина начала впихивать ей в рот шоколад, булки и другие витамины, а женщины принялись расчесывать волосы, подкрашивать губы и брызгать туалетной водой. Остальные продолжали умащивать, мять и размалевывать Жозефину спереди и сзади, вертя не хуже цыпленка на вертеле. И тут надо признать, хоть, судя по всему, она была в летах, но тело сумела сохранить как у девочки. И груди, и попа, и низ живота, где курчавился рыжий треугольник, были хоть куда. Вот только голова все впечатление портила — у кошек, как известно, характер на редкость вредный.

А с другой стороны, мне-то что, я свое дело сделал и собрался было восвояси, и далеко бы уже ушагал, кабы Жозефина снова не сверкнула глазами и не прокричала вдогонку, что вообще-то у нее железный принцип — с террористами в переговоры не вступать, но уж коль я здесь, она велит мне сесть и послушать. Я хотел объяснить, что это фатальное недоразумение и никакой я не

террорист, а здесь за сторожа. Но вся эта команда вертевших ее так и сяк зашикала на меня, зацыкала, и я вынужден был примоститься в ногах, смущенно отводя взгляд, как положено истинному католику. Дочка, умытая и накормленная, сама забралась в мешок, один из слуг мешок завязал, и бывшая молодая миссис Кейн повела свой рассказ.

Рассказ Жозефины Кейн

Родилась я в Монтгомери, столице штата Алабама; единственная дочь мультимиллионера с политическими амбициями. Как и большинство наследниц алабамских мультимиллионеров, с детства я была неотразимой красоткой с вьющимися от природы белокурыми волосами. Вы, конечно же, не могли не обратить внимания на мои огромные зеленые глаза. Так вот, уже тогда они светились умом. Училась я, разумеется, в Гарварде, где получила солидное гуманитарное образование. Одолела оба тома Пруста, без акцента щебетала по-французски, посмотрела два фильма Бунюэля и знала, где находится Украина.

И тем не менее — счастливой я себя не ощущала. Вам, как человеку впечатлительному, наверно, знакомо это чувство неудовлетворенности, жажда несбыточного, приступы внезапно нападающей тоски, глубокая задумчивость. Как-то раз на автостраде, мчась за рулем своего «порше», я так задумалась, что лишь спустя полчаса сообразила, что еду против движения. Надо было срочно себя спасать. Я перепробовала все,

что можно и нельзя. Наблюдалась поочередно у шести лучших психиатров Алабамы. Накачивалась героином, кокаином и экстази, не реже раза в неделю меняла любовника, сотнями пар закупала туфли, моего отца выбрали в губернаторы — ничего не помогало. Сейчас я твердо знаю: мне просто недоставало любви. Отец, кстати прекраснейший человек, лишенный каких бы то ни было предрассудков (кроме антисемитизма и расизма), постоянно был занят политикой, введением смертной казни и не пропускал ни одного баскетбольного матча — на меня у него не оставалось времени. Мать, как подавляющее большинство женщин из семей богатых нефтепромышленников, увлекалась йогой и медитацией. Казалось, от будущего мне ждать нечего.

И вот однажды — а случилось это буквально спустя два дня после моего двадцатилетия — в солнечный, хотя немного душный день я загорала нагишом у бассейна, потягивая ром с кока-колой, слушая Мика Джаггера и время от времени проверяя месседжи. Как сейчас помню, я тогда еще раздумывала, не переспать ли мне с Дэниелом Фридманом, двадцатипятилетним гением в математике, который сходил по мне с ума, забрасывал розами и e-mail'ами и как раз в

эту минуту через Интернет умолял встретиться с ним вечером в президентских апартаментах отеля «Четыре времени года».

Ближе к полудню солнце начало немилосердно припекать, я поднялась с шезлонга и тут — впервые в жизни — увидела Кейна. То есть до этого я сотни раз видела его по телевизору и на обложках глянцевых журналов, но вблизи лицезрела впервые. Он неторопливо шагал над ажурной от янтарных бликов водой нашего олимпийского бассейна, за ним семенил Жан-Пьер, а вокруг них увивался мой отец. Папочка как раз решил поучаствовать в президентской предвыборной гонке и уговаривал Кейна взяться за дизайн его избирательной кампании. Кейн был в смокинге из мягкой зеленой лайки, в майке цвета византийского золота и туфлях из змеиной кожи на высоком каблуке, Жан-Пьер — в своем неизменном черном платье с глубоким декольте и в бейсболке, я же — в чем мать родила. Кейн уставился на меня, буравя насквозь глазами — левым ярко-зеленым и правым желтоватым, почти лишенным зрачка. Это длилось какие-то доли секунды. Я оцепенела, по спине побежали мурашки. Накинув халат от Нормы Камали, я помахала им рукой. Жан-Пьер улыбнулся в ответ,

но Кейн казался глубоко погруженным в свои мысли. Он равнодушно прошел мимо: я не была уверена, заметил ли он меня вообще. И только в полночь, точнее, в четверть первого, когда после двух выпитых бутылок шампанского «KRUG Clos du Mesnil 1985» я изо всех сил старалась заполучить хотя бы намек на оргазм, а Дэниел Фридман безумствовал на мне, всхлипывая и вопя от счастья, двери номера распахнулись и подошедший к нашему ложу в сопровождении управляющего отеля Кейн предложил мне выйти за него замуж. Он, как позже признался, попросту выкупил сеть этих отелей. Кейн дал мне время на размышление до полудня следующего дня. Но я сразу ответила, что согласна, хотя Дэниел Фридман так распалился, что ничего вокруг не замечал и был еще во мне.

С той минуты началась моя настоящая жизнь. Это уж не говоря о том, что отец выиграл выборы. Ясное дело, имея Кейна на своей стороне, проиграть он просто не мог.

Как сейчас вижу себя во время избирательной кампании: я стою в сапожках из черного конского волоса, простеганных янтарем, рядом с отцом, облаченным в костюм из кашемира с вкраплениями опилок, и матерью в скромном туалете из

пальмовых листьев на бирюзовой шелковой подкладке. В тот период Кейна вдохновляли только природные материалы, таким образом он оповещал мир, что самое время покончить с абсурдом уничтожения нашей планеты. Ну, вы понимаете, все эти выхлопы, загрязнение атмосферы, вырубка джунглей. В тот день моросил дождь, но мы стояли под растянутым на километр тентом из голубого полотна, имитирующим чистое небо. Описание наших оригинальных нарядов попало во все газеты, в один голос провозгласившие Кейна римским папой минимализма и мастером подавленной сексуальности.

Объективно говоря — насколько я вообще способна быть объективной, — Кейн вступал тогда в свой самый креативный период. После выборов Белый дом и я были перекрашены сначала в голубой цвет, потом в розовый и, наконец, в красный. Это привело к подписанию многообещающего договора о разоружении с Россией и Китаем и принесло Кейну Нобелевскую премию мира.

А я гордилась им и была на седьмом небе от счастья, что этот гениальный человек принадлежит мне, что на моих глазах создаются великие произведения искусства и я могу разделять с ним муки творчества. Надо сказать, что этот гигант мысли,

хоть и не было ему равных по изобретательности и творческой силе ума, частенько впадал в депрессию. Многие вещи, если ему не удавалось добиться абсолютного совершенства, он оставлял незавершенными. Но даже те, которые он считал неудавшимися, пленяли изысканностью композиции и элегантностью ассоциаций.

В то время Кейн уже трудился над трусами. К их созданию он готовился на редкость тщательно. Изучал анатомию человека — костную и нервную системы, мышцы, сухожилия. Посещал прозекторскую. Делал тысячи набросков, помечая их подчас даже для меня невразумительной цифирью, а то и иероглифами. В поисках универсального решения не гнушался ни одним вариантом. И всегда оживлялся при виде необычных ягодиц. Мог таскаться за их обладателем целыми днями, осваивая их формы и щелкая без конца фотоаппаратом. Он считал, что ягодицы могут сказать о человеке все. Помню, как он сокрушался, что не в состоянии вообразить себе задницу Иуды: она, по его мнению, должна была являть собой законченный портрет предательства и жестокости.

Тем временем я перенесла несколько мелких косметических операций. С целью подчеркнуть

талию мне вырезали пару ребер, увеличили и сделали более выпуклым лоб, разумеется, заменили губы, нос и щеки. Кейн был очень деликатен и ни о чем не просил, но, как всякий добросердечный человек, обожая зверей, однажды признался, что ничего не имел бы против, если бы я хоть немного походила на кошечку или львицу. Я согласилась не раздумывая, ведь ради него я готова была на все.

Когда я вышла из больницы, трусы обрели уже свою окончательную форму, и, как только на растяжках повисли над Таймс-сквер, критики единодушно признали эту композицию Сикстинской капеллой XXI века. Вскоре после этого срок президентства отца подошел к концу, трусы начали свое триумфальное шествие по бутикам и универмагам всего мира, а мы с Кейном переехали в Нью-Йорк. Сознаюсь, я обожала этот город, где никто не спит, дабы не тратить зря время.

Кейн был на пике славы, но отнюдь не намеревался сидеть сложа руки. Он начал скупать телеканалы и приступил к работе над дизайном оргазма. Он задался целью эстетизировать оргазм, смикшировать его, устранить элемент случайности, убрать неконтролируемые моменты, вскрики, посторонние шумы, всхлипы и

сопение. Словом, создать оргазм, достойный людей XXI века. Первый год он экспериментировал только на мне. Но когда, увлекшись творческим поиском, переключился на других, между нами начались недоразумения. В прессу, слава богу, ничего не просочилось, и я все еще была счастлива. Родилась наша дочурка Бетани, Кейн оставался самым богатым и популярным человеком в Америке, собственно говоря, он был единственным стопроцентным кандидатом в президенты на приближавшихся выборах.

И тут грянул скандал. Один из трех телеканалов, до сих пор еще не выкупленных Кейном и принадлежавших королю презервативов и сопернику Кейна на выборах, показал ошеломленным американцам сенсационный материал — моего мужа, занимающегося безопасным сексом с Соней в маленьком мотельчике в Нью-Джерси. Это был самый крупный скандал XXI века и мое личное поражение. Но я твердо решила стоять до конца и вопреки всему защищать свою семью и нашу любовь. В те нелегкие дни я была рядом с мужем. Держа на руках нашу малютку, я в телевизионных интервью убеждала американцев, что к великим людям, опередившим свое время, следует подходить с особой меркой. На одну чашу

весов я предложила положить слабости Кейна, на другую — то, что он сделал для мира.

Но это не помогло. С политической карьерой моего мужа было покончено. Отец умолял меня немедленно подать на развод. Я наотрез отказалась. В глубине души я была убеждена: Кейн на самом деле не любит Соню, их связь — всего лишь мимолетный роман, и вскоре все опять придет в норму. Но Кейн, ожесточившись из-за людской неблагодарности, в отместку решил узаконить свою связь с Соней. Ничего не поделаешь, я согласилась на развод, но никогда не переставала любить его и восхищаться им. И знаю: фактически он меня не бросил. Ну сами посудите, иначе разве стал бы он уговаривать меня переехать к нему в замок?

Конечно же, жить вместе с ними я не стала, но всегда была под рукой и старалась даже полюбить Соню. Во всяком случае, между нами установились вполне приличные отношения, и за это Кейн был мне признателен. Впрочем, не раз в моменты душевного смятения он забегал ко мне на витаминную капельницу, и тогда мы вместе смотрели его любимый фильм — «Снежную королеву».

Рассказ Кубы

В эту самую минуту уже упомянутый мною тип, по всей видимости индус, потому что в тюрбане, вклинился в окружавшую Жозефину толпу с отчаянным криком, из которого стало ясно: если не попасть на самолет прямо сейчас, то не улететь уже никогда. Массажисты и косметички, а вслед за ними и все остальные бросились, толкаясь и истошно вопя, врассыпную, на ходу расстегивая и стаскивая с себя халаты и хватая свои чемоданы. Остались только четыре девушки, видать самые преданные; они насилу согнули пополам и усадили миссис Кейн, которая, к сожалению, самостоятельно не так чтобы очень могла сгибаться. И пока одна заканчивала ее массировать, а еще одна втирать крем, две другие принялись одевать Жозефину в дорогу, натягивать трусы и колготы, ворсистые юбки, сапоги на высоких каблуках, а дальше что-то наподобие а-ля пиджака, тоже с ворсинкой, хотя кожаного, и в довершение напялили на нее стильную широкополую шляпу. И нескольких минут не прошло, как мадам была обряжена, как Господь Бог повелел, с шиком-блес-

ком, и, энергично опираясь на две палки, уже ковыляла к выходу, а следом за ней устремилась вся ее шумная, без умолку галдящая свита.

И вот тогда, преодолевая робость, я бросился к ней с криком: не иначе как у нее вместо сердца камень, раз она так легко могла забыть о мешке.

— Видите ли, уважаемый, — сказала она даже любезно, однако не сбавляя хода, — я всю себя отдала, сделала все, что только в силах сделать мать, чтобы у моего ребенка было безоблачное детство, но, так уж совсем между нами, я никогда не была на сто процентов уверена, что Бетани действительно моя дочь. А все потому, что в первый раз ее похитили прямо из моего живота, сделав мне кесарево сечение, а возвратили, когда ей шел уже третий месяц, так что, посудите сами, можно ли быть в чем-то твердо уверенной? — Сказав так, Жозефина попросила при случае оповестить остальных террористов, чтобы прекратили приставать к ней с выкупом, поскольку теперь, когда Д. Д. К. нет в живых, она платить не намерена.

Тут наконец я сумел объяснить все недоразумение. Мы оба посмеялись, и я помог прислуге дотащить ее самый главный чемодан до лимузина, а мешок, в котором ампутированная, похоже,

спала как убитая, забросил на багажник, после чего увязался с Жозефиной в аэропорт, обстоятельно выспросив по дороге о моих обязанностях и тактично намекая, мол, как же будет обстоять дело с оплатой моих услуг, коль скоро все поразбежались. Но, к сожалению, миссис Жозефина Кейн мыслями была слишком далеко, чтобы ответить.

На аэродроме возле самолета крутилась ребятня, что-то там прилаживая, не иначе как свои зарядики. Они даже замахали мне руками, но я сделал вид, будто их не признал, чуть не сгорев со стыда, такие они были чумазые. Миссис Кейн вручила мне пять долларов чаевых, которые я взял на всякий пожарный, ввиду полного отсутствия налички. А я еще раз обратился к ней с горячим призывом, чтоб она непременно захватила с собой мешок. Объяснив, что через него на мою голову сыплются одни неприятности, потому как кухарка не верит в мои намерения. И вообще как же так можно, сразу видно, что девчушка ее любит, дочери надлежит быть при матери, как Господь повелел. Она потрепала меня по щеке, добавила еще пять долларов, мешок взяла как ручной багаж в салон и, почтительно приветствуемая экипажем, взошла по трапу в самолет, а за ней ломанулась вся ее свита.

Я сделал ей ручкой на дорожку, а поскольку в общих чертах уже ориентировался, где нахожусь, махнул без промедления к дому кухарки, не дожидаясь, пока мадам улетит.

Опять я топал мимо забитых досками музеев, дворцов, ресторанов, один-единственный — против течения. А навстречу мне валили толпы, главным образом, скорей всего, горничных, поваров, драпающей официантской братии, женщин и мужчин, всех тех, кто, видать, не попал на сабвей и теперь плелся, сгибаясь под тяжестью награбленного — сервизов из тонкого фарфора, посеребренных подсвечников либо картин живописи. Все они насилу волочили ноги, двигаясь как сонные мухи, потому что каждый, мало что тащил неподъемные чемоданы, в которые было сложено награбленное, еще и напялил на себя с десяток костюмов либо платьев. А самые хитрые так еще обмотали себя дополнительно занавесками из кружев, не иначе как брюссельских. И теперь те, кто послабее, не справляясь с навьюченным на себя добром, то и дело на ходу срывали если не пальто, то шубейку, а иные и свадебное платье. А кто падал, тому никакого сочувствия не оказывалось, и они так и лежали пластом, пока к ним не возвращались силы.

Вообще по награбленному ходили как по ковру, а я в душе благодарил Бога, что никто не заставит меня все это убирать, потому как это выше человеческих сил. Минут через пятнадцать замок вдруг содрогнулся от взрыва, крышу пробило крыло самолета, сверху посыпались вилки, а неподалеку от меня брякнулся крупный обломок — по виду реактивного двигателя, потому как без воздушного винта; рухни он на метр ближе, я бы теперь вам этого не рассказывал. Перекрестившись, я подумал, что не иначе это дело рук гвардии кухаркиных сорванцов. А с другой стороны, для той бедолаги, дочки, может, оно и к лучшему, потому как что это за жизнь — в мешке.

Когда я добрался, огни были погашены, пуделек только вежливо поскулил, а мелюзга, все грязнее ночи, лежали, где кого сморил сон. Видно, вернулись короткой дорогой, наискоски, и теперь улыбались сквозь сон, как это водится у детей, своим мыслям. Стащив башмаки, я в одних носках пробрался через них к топчану. На главной кровати кухарка под одеялом ровно посапывала. Подойдя к своей лежанке, я с благодарностью отметил, что на ней постлано как положено. Украдкой проверил, не рылась ли кухарка в моем

чемодане, но нет, потому что чек зашелестел в носке. Я уж было хотел растянуться на постели, как вдруг кухарка села в кровати, как лунатик или вампир, и сказала, что дальше так продолжаться не может и так с порядочной женщиной не поступают. Люди уже начали сплетничать, и чтобы я мигом собрал свои манатки и убирался на все четыре стороны, причем без лишних слов.

— Сейчас, сейчас, — забормотал я испуганно, — а что, если я вас люблю всем сердцем и желаю жениться? И куда мне идти, когда ночь на дворе?

— Ну а коли так, то и разговор другой, — кивнула она и призналась, что тоже меня полюбила с первого взгляда и даже уже переговорила с Педро, который из Эквадора и в полномочия которого входит венчать в замке вступающих в брак. Он пока не уехал и завтра ровнехонько в шесть соединит нас священными брачными узами. При этом добавила, чтоб я снял рубаху и носки, она скоренько их простирнет. Тогда я подъехал к ней с вопросцем, коли на то пошло, не будет ли она так добра и не пустит ли к себе в постель. Она же строго ответила, что, к великому сожалению, нет, поскольку никому не дает до свадьбы. Что было делать? Я лишь сказал, что жду не дождусь

этого светлого праздника, и вернулся к себе на топчанчик.

На следующий день спозаранок я проснулся от того, что меня трясут за плечо: кухарка решила заняться приготовлениями к свадьбе, да такой, чтоб не было стыдно перед людьми, но вот беда, ей даже нечего кинуть в кастрюлю. Конечно, в кладовке найдутся гамбургеры и мороженая рыба «Омаха Стейк», суп «Кэмпбелл», копченый лосось, тушенка, баночная ветчина «Кракус», бекон, сосиски, авокадо, желтый рис, черная фасоль, соевый соус, спагетти, овсяные хлопья по-ирландски с коричневым сахаром, фруктовое желе и мороженое. Само собой, с грехом пополам удалось бы состряпать тако[3] или буррито,[4] а то и энчиладу,[5] но не по такому же случаю.

Я поинтересовался, куда мне бежать и где брать продукты, когда все позакрыто и магазины забиты досками. Она только головой покрутила, что, мол, не ее это дело — и баста. Испокон веку известно, что женщина в доме для того, чтоб

---

[3] Примечания: 3
Легкая закуска, бутерброд *(исп.).*

[4] Примечания: 4
Кукурузная лепешка *(исп.).*

[5] Примечания: 5
Блинчики из кукурузной муки с мясом, сыром и перцем *(исп.).*

очаг поддерживать, а мужчина — добывать пропитание. И велела двигать на запад, где в замке проживала элита, там что-нибудь наверняка найдется.

Делать нечего. Натянул я на себя не совсем еще просохшие носки и рубаху, на всякий пожарный сунул чек в кармашек, в пиджаке у меня завалялась небольшая заначка, полученная от Жозефины, да и кухарка десятку добавила из личных своих сбережений, вдобавок завернув мне с собой на второй завтрак пару бутербродов с сыром. При моем появлении сабвей автоматически остановился, я сел и поехал. На переездах состав выгибало змеей, у собора он дал длинный гудок, а возле Сфинкса, музея, банкомата, магазина, «Макдоналдса» и «Пицца Хат» слегка притормаживал. Я смотрел в оба, но повсюду были только опущенные жалюзи, доски крест-накрест, решетки да замки размером в два моих кулака. Тишина, безлюдье, один только мусор. Что ни кинотеатр, то с разбитой витриной, а фотки порастащены. А если винный магазин, так со всех сторон огорожен колючей проволокой, а может, даже и заминирован, как в войну. Что ни театр, то без дверей, а драгсторы заколочены досками. Впрочем, даже если б я и оторвал доски,

толку мало — кухарка ведь просила что-нибудь эдакое. Поезд то тормозил, то снова трогался — и все автоматически, причем нигде ни одного обходчика, и кабы что случилось, некого было бы винить, фонари частью светили, частью мигали, а если вообще не горели, то темнота наступала аж жуть. Но я подумал: чего мне расстраиваться — коль Господь Бог дал столько заработать, надо полагать, не затем, чтоб теперь меня уморить во цвете лет.

Я опустил окно, потому что в поезде, как и во всем замке, кондиционеры еле тянули, вполне возможно, что из-за взрывов. Выставив голову наружу, я обомлел и протер глаза, высунулся снова и снова протер глаза. Впереди, вагона через два от меня, из окна торчит башка живой свиньи, которая, жмурясь, ну совсем как я, высунулась проветриться. Свинья взглянула на меня, но как-то недоверчиво, и тут же убралась со своим пятачком внутрь. Сперва я перепугался, не мираж ли это, какой случается видеть в пустыне погибающим от жажды. Однако для очистки совести выскочил в коридор, потом побежал, обшаривая глазами каждый вагон, по безлюдному поезду, который в этот момент как раз остановился, — никого. Тут я догадался выглянуть на

перрон и, о счастье, смотрю, а свинья уже по нему трюхает, толстозаденькая, розовенькая, в майке с надписью «SOS Titanic». Едва успев просунуть колено между готовых захлопнуться дверей, я кинулся за ней вдогонку. Она, видно, разгадала мои намерения, этих животных, как известно, Бог умом не обидел, потому что припустила галопом. Я со всех ног бросился в погоню, но, несмотря на то, что аж запыхался, все равно сильно отстал, во-первых, потому, что не знал местности, а она мчалась петляя, а во-вторых, пустой чемодан колотил меня по ногам.

Так, топча выбитые на плитах тротуара звезды, мы промчались вдоль здания с вывеской «Chinese Theater» и дальше, друг за дружкой, мимо странных домов, с виду настоящих, а на самом деле макетов, потому как из картона или из пластика, перепрыгивая через круглые, похожие на немецкие мины времен войны коробки с торчавшей из них, видимо, кинопленкой. Всюду воняло затхлостью и запустением, как в Музее Костюшко в Грин-Пойнте. Тут и там стояли на треногах или лежали грудой, разбитые вперемешку с целыми, кинокамеры, видать, для съемок, а в витринах под стеклом — костюмы (добрую половину которых успели растащить) разных эпох, начиная с

римской античности, включая период завоевания индейцев и кончая современными. А между ними — куклы женщин и мужчин, прямо как живые, потому что из воска. К сожалению, осмотреть все как положено было недосуг, поскольку взятой мною на заметку свиньи и след простыл.

Вот так намаявшись, набегавшись по незнакомым местам, я вдруг почувствовал, как костлявая рука тоски по отчей сторонке моего детства, где мне знаком был каждый камешек и кустик, схватила меня за горло. Что и говорить, хоть ты и перебивался там с хлеба на воду, да ведь все свое, родное. И что с того, если отец бил тебя смертным боем за малейшую провинность и гонял на работу, а сам и пальцем не желал пошевелить, только приговаривал, что труд в поте лица — это нам наказание за грехи. Зато как прекрасно жаворонок, этот царь царей певчих птиц, выводил свою песню в голубом поднебесье, да и молодежь веселилась будь здоров как. По вечерам все слушали радио или ходили на дискотеку, а по воскресным дням — в костел. В читальне на полках — одни польские книжки, а свиньи не разбегались, да и куда им было бежать? Только знай себе подставляли загривки под топор, а здесь что — одна алчность с роскошью да потеря национального

облика, и некому поплакаться в жилетку. В таком душевном смятении брел я вперед в расчете на удачу или хотя бы на счастливый случай. А ну как свинья не отыщется, подумать страшно, что скажет тогда кухарка. И до того у меня смешалось все в голове, что я даже пару раз воскликнул: где ты, свинка! Тут вдруг ноги мои обо что-то зацепились, и я рухнул, треснувшись башкой так, что в глазах потемнело. Очнулся, вижу, лежу на топорище с надписью «Crime and Punishment».[6] И подумалось мне, что это хороший знак для меня и совсем плохой для свиньи: если найду ее, будучи при топоре, то хотя бы не придется душить голыми руками. А это маленькое удовольствие как для меня, так и для животинки.

И в этот момент меня угораздило запутаться в колючих зарослях роз, с краю всё сплошь неестественно красного, а дальше натурального чайного цвета, причем только что политых. Как я ни берегся и ни уворачивался, в кровь расцарапал лицо и в придачу обе руки, в одной из которых был чемодан. Однако с помощью топора пробил-таки себе дорогу и вышел к бассейну. Поначалу я решил, что вода в нем тоже ненастоящая —

---

[6] Примечания: 6
Преступление и наказание *(англ.).*

слишком уж была голубая, и в ней, как в зеркале, отражалась пятиметровая вышка для прыжков в воду. Я даже носки стянул и ногой попробовал, но оказалось, нормальная вода и, как положено, подогретая. А вокруг — лавочки, шезлонги, креслица, изогнутые, со всякими выкрутасами, раскрашенные, посеребренные, а может, кто знает, и позолоченные. Я одно испытал на пробу. Неудобное, но надо признаться, шикарное, прям тебе из давней исторической эпохи.

А вот теперь слушайте внимательно. Я было собрался идти дальше, когда вдруг получил знак свыше. Что-то меня дернуло еще раз глянуть на бассейн, а оттуда, как бы снизу, из-под воды, уставилось на меня знакомое свиное рыло. Я зажмурился, потом снова открыл глаза — рыло не исчезло. Струхнул я не на шутку, уж не видение ли это, не дьявольское ли искушение, но нет. Рыло и рыло — и тут меня как током ударило. Я поднял голову, вроде бы по сторонам посматриваю, а сам украдкой давлю косяка на вышку. И что же вижу, вот ведь хитрая скотина — забралась на самую верхотуру и там притаилась. Меня аж дрожь пробрала: если б не зеркальная гладь водной поверхности, я бы ее проглядел.

Между тем на часах уже без чего-то четыре.

Господи, сколько времени потеряно зазря! А ведь мясо еще нужно вымочить, обварить кипятком, чтоб не было жестким, да натереть, чтоб не получилось безвкусным, чесноком, перцем и другими специями, думаю я, а сам с топором и с чемоданом карабкаюсь на вышку. Добрался до третьего уровня, потом до четвертого, а свинья глядит на меня странно так, будто колеблется, но одновременно пятится. Тут я чемодан отложил и с одним топором в руке как человеку ей говорю, мол, ничего не бойся, долго мучиться тебе не придется, а она пятачком крутит, точно что сказать хочет, и похрюкивает, но так как-то нетипично. Я ей опять объясняю, чтоб никакого сострадания к себе не ждала и обратный путь ей отрезан. А она поднялась на задние ноги и передними машет, будто сдается. Я еще подумал, не иначе как дрессированная, и толкую ей, кабы не особый случай, да были бы мы с ней на польской земле, я бы ее, как справное животное, розовое и чистенькое, взял к себе в хозяйство на откорм. Однако никак нельзя, поскольку свадьба на носу, а сам к ней шажок, а она от меня, и все-то на задних ногах. Я продолжаю ее успокаивать: ничего-ничего, мол, скоро все будет позади. И только хорошенько размахнулся, как свинья поворачивается ко мне

задом. Правильно делает, думаю про себя, я бы на ее месте тоже бы так поступил, чтоб не глядеть в глаза собственной смерти, на случай, если б мне перед тем глаза не завязали. Она же как нырнет прямо рылом в воду, только брызги полетели в разные стороны. Я прям опешил, но всего на минуту, потому как свинья погребла к бортику, вот-вот задаст стрекача. Сигануть за ней в воду мне не позволило благоразумие. Высоко, аж голова кружится, даже если б первым топор кинуть, все равно разобьюсь как нечего делать. Ну, я кубарем по ступенькам вниз. Свинка, несмотря на все старания, не успела еще выкарабкаться. Увидела, что я несусь к ней на всех парах, и, оттолкнувшись от бортика, поплыла на середину бассейна. Тогда я присел на скамеечку, тоже ведь здорово запыхался, сижу жду. Когда-нибудь она да устанет, думаю, поглядим еще, кто кого пересидит. Только и она не лыком шита — ногами почти не перебирает, при такой массе тела вряд ли ей грозит замерзнуть, да и жир будет держать на поверхности. А время-то идет, срок свадьбы все ближе, делать нечего, стянул я штаны, носки и в одних трусах от Кейна, с топором наперевес бултых в воду. Свинья ну изо всех сил грести туда, где поглубже, да с перепугу нахлебалась

воды, закашлялась, а я ее одним махом хлобысть в лоб. Раз только и ударил, а точнехонько, хоть и нет у меня никакой сноровки и опыта работы на скотобойне.

Взглянула она на меня с горьким упреком да такими глазами, что не приведи бог потом в страшном сне увидеть, перевернулась брюхом вверх и вместе с топором, как тонущий корабль, ушла под воду. Я подумал, нет такой силы, чтоб она не всплыла, зачем мне зря голову мочить. Только аккурат кто-то выглянул из кустов и спрятался, потом еще раз, и опять — нырк обратно. Я помертвел от страха: не дай бог из-за убийства свиньи какие проблемы возникнут, со здешними законами я ведь не знаком. Выскочил из воды и в одних трусах присел на лавочку, маскируясь под туриста, с интересом осматривающего достопримечательности. Сижу жду. И тут из кустов выходит тип, который за мной подглядывал. Странноватое существо в фирменной бейсболке команды «Метс». Сверху до половины вроде мужик, а дальше — юбчонка выше колен и туфли на шпильках. По виду довольно преклонных лет, однако передвигается без посторонней помощи, при этом ни единой морщинки, кожа лица натянутая как на барабане, и весь коричневый от

загара. Не иначе, искусственного — тут не то что солнцу, даже лучику неоткуда взяться, освещение в замке сплошь электрическое.

А он присел рядышком и вежливо так повел разговор о погоде, попутно расхваливая мои глаза и стрижку с прической. Затем, проведя рукой по моему бедру, удивился, почему я не брею ноги, и, задрав подол, продемонстрировал свои — с гладко выбритой до шелковистости кожей, в чем и заставил меня удостовериться. А представился мне ни больше ни меньше как Жан-Пьером, то есть самым близким и личным другом мистера Кейна. Я отвечал на все нехотя, потому что, во-первых, не знал, что говорить, а во-вторых, не чувствовал себя в безопасности. Свиньи, по правде говоря, видно не было, значит, лежала себе на самом дне, но красное пятно на воде уже расплывалось. Чтобы отвлечь его внимание от бассейна, я сел к нему задом, чего он только и ждал: скоренько проглотил какую-то таблетку, запив ее минеральной водой из бутылки, потрепал меня за ухо и, называя проказником, прижался к моей спине и принялся разворачивать гондон. Я сидел ни жив ни мертв, не так-то легко, доложу я вам, с низкого польского жизненного уровня подняться на высокий, американский. Не смел

даже оглянуться и посмотреть, не всплыла ли свинья. А он, пользуясь случаем, довольно нагло засадил мне конкретно и ритмично заколыхался у меня за спиной, временами покусывая в шею и нашептывая прямо в ухо историю своей жизни.

Рассказ Жан-Пьера

Я родился в Париже, в Латинском квартале. А Латинский квартал, как вам наверняка известно, это сердце Парижа. Безудержно перекачивающее всю мерзость, и все краски мира, и зло, и добро, и высокие чувства, и пороки. Впрочем, бог мой, зачем я все это рассказываю — кому, как не тебе, шалунишка, знать это лучше меня. О, а ты стильный мальчик. Эти трусы, которые ты носишь с пиджаком, но без брюк… м-м, признайся, негодник, ты как-то связан с модельным бизнесом. А мой отец… Ты не поверишь, проказник, но мой отец ходил по дому в сеточке на голове, чтобы у него, не дай бог, не растрепались волосы. Нарадоваться не мог на свои волосы, такие они были светлые. А сеточка была черного цвета и сзади завязывалась на две тесемочки, похожие на крысиные хвостики. Прикинь, что за гадость!

Папа мой был очень крупный, очень белый, очень рыхлый и очень гордился, что рожден французом, ну не хам, а? Мама же была чудо как хороша. Глаза на пол-лица, красивая, обаятельная, миниатюрная и стройная, как куколка.

Грудки у нее были такие маленькие, что я мог накрыть их одной ладошкой. А ведь, как вы, наверно, успели заметить, кисти рук у меня небольшие. Пальцы, правда, длинные и породистые. Мой отец носил бриджи. Самое отвратительное, что только есть на свете. Не брюки, а позорище, нарушающее все пропорции. Но отец считал, что у него красивые голени. После школы он заставлял меня работать в аптеке, а мама… мама меня любила. Моя дорогая мамочка вышла замуж за эту белую гору жира, чтобы помочь своей семье в Алжире. У нее там осталась куча братьев и сестер, живущих в страшной нищете. Отец считал, что облагодетельствовал маму, женившись на ней, и что она должна быть счастлива, когда он по ночам изредка наваливается на нее своей мерзкой тестообразной тушей. Мама, стиснув зубы и закрыв глаза, думала об Алжире, ибо все свои жалкие сбережения посылала родным. Вы не поверите, но эта скотина, мой отец, изменял ей. И с кем? С такой же белой, как он, и тестообразной хозяйкой пекарни напротив. Мама была такая крохотуля, что в двенадцать лет я ее уже перерос. У меня были золотистые волосы, черные как угли глаза и проблемы с эрекцией. Девчонки кидались на меня, точно стервятники на добычу, а у

меня не стояло. Я плакал, порывался утопиться или повеситься. В конце концов, рыдая, во всем признался маме. И однажды, когда отец отправился к своей дебелой толстухе, мама взяла меня к себе в постель и начала терпеливо ласкать. Все получилось. Мы с мамой плакали от счастья. Украв у отца тысячу франков и соврав маме, что заработал их, убирая торговый зал супермаркета, я купил два пирожных и бутылку шампанского. Мы пошли к Сене и вдвоем выпили целую бутылку, а потом съели по эклеру, но я свой тут же выблевал. Это одно из самых прекрасных моих воспоминаний детства. Отец обнаружил пропажу денег и устроил дознание. А поскольку мама взяла все на себя, начал ее бить. Я кинулся на него с кулаками, тогда он выпорол нас обоих. Ремнем. Я сказал маме, что убегу из дома, и на коленях умолял ее бежать вместе со мной. Но она ответила, что ей некуда деваться. Ну, и что еще на ней эта ее семья.

А я убежал. Меня приняли в банду, которой верховодил пятнадцатилетний креол по кличке Тигр. Роста он был небольшого, но у него была широкая гладкая грудь и изумительно смуглая кожа, горящие желтые, как у рыси, глаза, голубая татуировка, и к тому же он мастерски владел

длинным ножом с костяной рукоятью, на которой было выцарапано «LOVE». Благодаря ему я узнал, что такое любовь. Мы жили вшестером с двумя девчонками в полуразрушенном доме. До сих пор так и не знаю наверняка, любил ли меня Тигр. Да, он со мной спал, но он спал со всеми парнями и девчонками из нашей банды. Иногда мне кажется, что Тигр попросту меня использовал. Принял в банду, потому что я был красавчик, с жемчужными зубками и невинной улыбкой, которая, если вы успели заметить, осталась у меня по сей день. Именно моя невинная улыбка распаляла похоть состоятельных престарелых дам и богатых стариков, пытавшихся обмануть и то и другое: и старость и смерть. Была, к примеру, одна такая Мишель, она по мне просто с ума сходила. Драгоценностей на ней было — как на витрине бутика Тиффани. Утверждала, что ей пятьдесят, хотя как минимум разменяла восьмой десяток. Пока она впихивала в меня шоколад и вливала шампанское, я подсыпал ей в бокал снотворный порошок. Ее лежавшие на животе груди меня не очень-то вдохновляли, но я закрыл глаза, мысленно помолился, и все получилось. Как только она захрапела, Тигр, поджидавший за дверью, обчистил ее квартиру. Разумеется, я

получил свою долю и, конечно же, бросился с этими деньгами к маме. Я дожидался ее на улице, а увидев, залился слезами. Эта скотина, мой отец, колотивший ее смертным боем, повредил ей что-то внутри. Она шла по тротуару, едва передвигая ноги и харкая кровью. Я одолжил у Тигра нож с костяной рукоятью. Как следует его наточил, но не успел исполнить задуманное: в тот же день полиция замела всю нашу банду. Наши фотографии поместили в «Монд». Добросердечная старушка Мишель поклялась на судебном разбирательстве, что я ни о чем не подозревал, и меня отпустили. У выхода из здания суда меня поджидали два ассистента Коко Шанель. Тот, что повыше, Жан-Клод, к слову сказать, сердечный друг молоденького Диора, оказывается, увидел мою фотографию в «Монд» и совершенно обалдел. Сказал, что я похож на попавшего в ад ангелочка. Кстати, с тех пор в модельном бизнесе ко мне прилипла кличка Ангелочек.

Со мной провели фотосессию — снимки вышли на редкость удачными. Тогда Жан-Клод распродал все, что у него было, взял дополнительно кредит и специально для меня создал собственную коллекцию одежды. Через два дня после окончательного ее завершения в Париж вступи-

ли немецкие войска. Я прекрасно это помню, ибо ровно неделю спустя впервые вышел на подиум.

Успех был колоссальный. Мы стали жить вместе. Жан-Клод без конца спрашивал, люблю ли я его, а я отвечал, что люблю. Он был милый и добрый, но нашу любовь можно было сравнить с ванильным мороженым, сладким, но быстро тающим во рту. Зато я начал зарабатывать бешеные деньги. Втайне от мамы купил ей квартирку, обставил и нанял прислугу. Мне хотелось сделать ей сюрприз, но в тот час, когда я радостно бежал к ней с ключами, в тот самый день, когда мое фото впервые появилось на обложке «Пари Матч», — мама умерла. Это было ужасно. Вы только подумайте, она так никогда и не увидела меня на подиуме. Не дождалась моей славы и богатства, а я так страстно желал, чтоб она мною гордилась. Я проплакал всю ночь. Даже сейчас, когда я об этом говорю, мои глаза наполняются слезами: от вашего внимания, конечно, не укрылось, что я чрезвычайно чувствителен.

На следующий день после маминой смерти у меня был показ. Я демонстрировал новейшую коллекцию Жан-Клода. На подиуме я плакал. Критики были потрясены. Моя фотография красовалась на первой полосе «Фигаро» с надписью:

«Плачущий ангелочек». А сразу под ней шли списки расстрелянных заложников. На похоронах я хотел было подойти к отцу и плюнуть ему в лицо, как вдруг заметил, что он плачет. Я не поверил своим глазам. Неужели этот скот любил ее? Мы бросились друг другу в объятия в первый и последний раз в жизни. На церемонию прощания он пришел в бриджах.

Спустя несколько дней произошло событие, перевернувшее мою жизнь. В крохотном бистро «Мадлон» на Монмартре я встретился с Кейном. Разумеется, я слышал о нем и раньше. Мир моды бурлил от пересудов. Все только и сплетничали о стройном красавце, сказочно богатом и гениальном юном дизайнере, приехавшем из Америки, чтобы помочь сражающейся Франции. По слухам, он втайне от всех готовил что-то грандиозное. Пару раз он промелькнул передо мной на демонстрации мод, но вокруг клубилась такая толпа, что пробиться к нему не было никакой возможности.

В тот знаменательный день за полчаса до начала примерки я сидел в бистро у окна, запивая вином хрустящие круассаны и наблюдая, как несколько немецких жандармов и гестаповцев вели заключенных. И в этот самый момент надо

мной раздался голос: «Невероятно». Я поднял глаза и обомлел: это был Кейн. Я не заметил, как он вошел. Он был потрясающе молод. Возможно, даже моложе меня. Кейн буквально впился глазами в немцев. Я кожей ощущал, какая напряженная работа совершается в его могучем мозгу. Он медленно потянулся за темно-коричневым портфелем из мягкой кожи с двумя блестящими замочками и ремешком. В горле у меня пересохло. Я не в состоянии был пошевельнуться, чувствуя, что через минуту произойдет что-то страшное. А Кейн… сощурил свои выразительные, оттененные длинными девичьими ресницами глаза, резким движением извлек из портфеля небольшой блокнот черной кожи и оправленный в серебро карандашик и начал быстро, увлеченно что-то набрасывать. Потом оторвался от блокнота, откинул со лба черные волнистые волосы, и в этот момент наши взгляды встретились.

— Что ты думаешь об угольном цвете этих мундиров? — спросил он.

Сглотнув слюну, я сказал, что он кажется мне чересчур депрессивным. Кейн улыбнулся. У него была чарующая улыбка и алые, слегка припухлые губы.

Между тем один из заключенных, растолкав

эсэсовцев, бросился бежать и в мгновение ока скрылся за углом. Жандармы кинулись за ним и тоже исчезли. До нас донеслись звуки выстрелов.

— А что скажешь об этих металлических штуковинах? — снова спросил Кейн. Я не сразу догадался, что он имел в виду бляхи жандармов.

— Скорей всего, не привьются, — сказал я, с трудом выговаривая слова.

Он опять улыбнулся и покачал головой. Допил вино, спрятал блокнот и вышел в задумчивости. А я минут пятнадцать просидел без движения, не переставая о нем думать. Кстати, из-за этого я опоздал на примерку.

Двумя неделями позже до нас довели приказ одного из руководителей Сопротивления явиться на конспиративную квартиру в окрестностях Парижа. Все, кто его получил, а это была большая группа топ-моделей, пребывали в диком возбуждении. Мы чувствовали, что происходит нечто грандиозное, наконец-то и мы сможем принести пользу нашей несчастной родине. Поочередно входили высшие офицеры. Последним появился генерал, а за ним вошел Кейн. Боже мой, не могу передать, какое это было счастье, когда из четырехсот лично представленных

Кейну самим генералом де Голлем моделей Кейн выбрал меня в качестве символа сражающейся Франции. За каких-то несколько недель Кейн создал свою легендарную недорогую цивильную форму для юного борца за свободу. Она поражала своей простотой. Черный берет, шейный платок, светлый плащ коричневые замшевые перчатки и ботинки на мягкой подошве. Изящно, сексуально, легко. Впечатляюще. Гордый вызов, брошенный в лицо гитлеровским модельерам. А потом… потом наступил день, когда Кейн на первом подпольном показе мод представил свою коллекцию. При моем появлении на подиуме — а я шел, с трудом преодолевая дрожь в коленках, — на минуту воцарилась мертвая тишина. А затем — взрыв эмоций. Ради одного такого мгновения стоило жить. В тот вечер были покорены сердца всех парижан, а исход Второй мировой войны предрешен. Цвет молодежи Парижа и других оккупированных столиц бросился в бой в кейновском берете на голове.

А мы с Кейном, ну что же… Чувство вспыхивает внезапно. В кафешках Монмартра и Монпарнаса, постоянно рискуя жизнью, запивая багет с сыром бри красным вином, мы строили великие планы на будущее. В голове Кейна бродили первые за-

чатки идей, которые свою окончательную форму приобрели спустя несколько лет в Нью-Йорке, в его офисах на Седьмой авеню.

Но все это было потом. А пока шел сорок четвертый год, самый прекрасный год в моей жизни. Мы были красивы, молоды и талантливы, богаты и до смерти влюблены друг в друга. Нам верилось, что эта любовь продлится вечно; действительно, мы находились в близких отношениях довольно долгое время. И не слушайте вы бредни Жозефины, утверждающей, что Кейн ее любил. Кейн обратил на нее внимание в бассейне лишь потому, что у нее не было ни одного волоска на лонном бугорке, а его интересовало все, что хотя бы чуть-чуть выходило за рамки банального, любил же он на самом деле только меня. Правда, до тех пор, пока не появилась Соня. Впрочем, Соня — это совсем другая история.

Наша любовь была полноценной, настоящей и глубокой. Не какой-то там мимолетный романчик или извращенные забавы на пикнике. Мы оба знали, чего хотим, и дарили это друг другу с нежностью и без всяких ограничений. Но никогда-преникогда не заходили слишком далеко. Я, к примеру, обожал, когда мне рот заклеивали скотчем, а руки-ноги связывали сзади обыкновенным

шпагатом и запирали потом в темном подвале, но не больше чем на один день. Мне нравилось, чтобы меня натирали наждачной бумагой, но только грудь, и лили разогретое масло, но только на живот. Или чтобы меня стегали, но только по бедрам и не ремнем, а, разумеется, хлыстиком. Кейн орудовал им мастерски; впрочем, наверно, любовь управляла его рукой. Во всяком случае, уже после нескольких ударов я кричал: «Да, да! Обожаю! Еще, еще!» Мы составили список того, что доставляло нам наибольшее наслаждение, и повесили его на стене, оправив в барочную рамку восемнадцатого века. Никогда или почти никогда мы не занимались любовью под ЛСД или героином. Мы не хотели ни на секунду терять контроль над происходящим. У нас был свой пароль — «Монмартр», в память о нашей первой счастливой встрече. Когда Кейн слишком далеко заходил с газовой горелкой, достаточно было только произнести это слово. И тотчас же, полный раскаяния, он делал мне обезболивающий укол, целовал и заклеивал пластырем пострадавшее место.

Помню, как ужасно я был возбужден во время церемонии надевания на меня ошейника — это было незадолго до ухода немцев из Парижа. Кейн

сам его сконструировал. Ошейник был сделан из пурпурного бархата, черно-рыжей кожи неродившегося теленка и колючей проволоки. Но даже после этого, когда я окончательно отдался ему не только телом, но и душой, когда стал называть его Господином, а он меня — своим рабом, мы договорились, что в одной комнате нашего дома мы будем равны и мне будет позволено сидеть в ней на чем угодно. Он разрешил мне участвовать в выборе обстановки для спальни. Конечно же, полностью избегать недоразумений удавалось не всегда. У Кейна, как у всякого великого человека, были свои странности. Вдруг ни с того ни с сего ему могло захотеться, чтобы и его связывали и запирали в подвале с заклеенным скотчем ртом. А если я, рыдая, начинал протестовать, он наказывал меня, откладывая газовую горелку и выбрасывая в мусорную корзину хлыст и наждачную бумагу. Но, боже мой, какими упоительными бывали потом наши примирения!

В то время Кейн работал дни и ночи напролет; впрочем, так было всегда. Ведь это он и никто иной придумал костюмы для финансовой элиты Уолл-стрит, битлов и ансамбля «Роллинг стоунз». Создал классическую модель одежды для хиппи, а затем для панков, для культуры хип-хопа и

стильный прикид для «плохих парней» и музыкального андерграунда. Но и достигнув вершин славы, никогда, дословно никогда не закрывал глаза на ложь и несправедливость, царящие в мире, и сочувственно относился к борьбе миллионов молодых людей за свободу и социальные права. Из его дизайнерской мастерской вышла форма кубинских партизан. Он придумал шикарную униформу для ооповцев,[7] мужественный образ Че Гевары с его трехдневной небритостью и аскетичный френч китайских хунвейбинов. Именно Кейн стал автором всех туалетов полковника Каддафи, спроектировал форму единого образца для сербских военизированных отрядов, а также создал имидж чеченских боевиков Басаева.

А я?.. В сотрясаемом шекспировскими страстями мире моды я был всегда при нем. Ну а сейчас, я чувствую, вы догадались, что речь пойдет о трусах. И абсолютно правы. Работа над этим проектом длилась годы и годы. Кейн засадил за компьютер сотни специалистов, но до конца не доверял никому. Сам ездил в Китай и Индонезию, Кению, Россию и Ирландию. Переодевшись, рыскал по кварталам бедноты, лазил в подземные

[7] Примечания: 7
От ООП — Организация освобождения Палестины.

схроны московских бомжей, подолгу рылся в сундуках индийских магараджей, шкафах советских партийных аппаратчиков и итальянских аристократов. Исподтишка рассматривал развешанные на веревках трусы в Милане и нью-йоркском Гарлеме. Установил сотни скрытых видеокамер в квартирах обычных чиновников в Пекине, Киншасе и Буэнос-Айресе. Запирался на целые недели в портновских мастерских. Ни с кем не желал разговаривать, даже со мной. Скажу больше, перестал ходить на аэробику! Что ж, то была работа, достойная титана мысли. Он хотел создать нечто грандиозное, универсальное. Все время ощущая за спиной дыхание конкурентов. Американские дизайнеры уже многие годы бились над новой моделью мужских трусов. И кто, как не Кейн, лучше всех был об этом осведомлен. Платяные шкафы в его замке ломились от сотен тысяч трусов разных эпох, культур и исторических периодов. Кейн любил примерять трусы Людовика XIV, ему удалось за бесценок приобрести дюжину трусов Эйнштейна, была в его коллекции одна пара, принадлежавшая Ганди, и сильно поношенные кальсоны Бартока. Целых пятнадцать лет он охотился за трусами Гитлера. Сохранилось только две пары нижнего белья

нацистского вождя — фланелевые и из бумазеи. Кейн выторговал их у Британского музея за семь миллионов долларов. Как же он был счастлив, когда наконец смог их примерить. Бумазейные датировались тридцать четвертым годом — в тот год Гитлер стал канцлером Третьего рейха. А фланелевые фюрер носил, когда после «ночи длинных ножей» строил планы аншлюса Австрии. Гитлер был намного ниже и полнее Кейна в талии, но Кейн ничего не позволил изменить. Надев трусы, он закрывал глаза и уверял, что ощущает дуновение ветра от развевающихся знамен с фашистской символикой, слышит истерические вопли, вырывающиеся из глоток собравшихся на мюнхенском съезде, и могучую музыку Вагнера.

Он хранил также коллекцию своих старых трусов. Ими были заполнены четыре бельевых шкафа. Кейн утверждал, что когда импульсивно, поддавшись внезапному порыву, какие-нибудь из них надевает, то дарит своим ягодицам ни с чем не сравнимую радость и необыкновенные сексуальные переживания. Старые подштанники ранних периодов магическим образом распахивали перед ним врата, ведущие в край его детства. Он вновь вдыхал прозрачный воздух вечеров на берегу озера Мичиган, ощущал на лице прикос-

новение утренних чикагских туманов. Вместе с этим возвращались забытые образы: матери, «Бара последней надежды», первого самостоятельно сшитого платья, катушки ниток, которую он прихватил с собой в замок отца. Это было обретением утраченного времени — времени первых свиданий, первых эрекций и первой любви.

В своей творческой деятельности Кейн вынужден был то и дело принимать неслыханно трудные, непосильные для обыкновенного человека решения. Он хотел достичь идеала. Совершенной красоты. Это был дьявольский труд, пожирающий нервы, здоровье, миллионы долларов и годы жизни. Ведь согласитесь, красота это нечто такое, до чего нужно дозреть. Кейн пребывал в неустанном поиске. Поиске модели трусов, которые многое говорят. Ведь трусы могут рассказать о своем владельце гораздо больше, чем его тело, куда больше, чем целая библиотека трудов доктора Фрейда. Тело может быть несовершенным. А трусы — это камуфляж, протест против несовершенства наших ягодиц и одновременно маскировка допущенных Богом огрехов. В том же случае, когда они плотно облегают ягодицы, это диктатура абсолютного совершенства.

Обыкновенно нормальный мужчина каждое

утро проводит в раздумьях над выбором трусов как минимум час. Это очень хлопотное занятие, особенно для тех, кто добирается на работу в Нью-Йорк, скажем, из Нью-Джерси или Коннектикута. Продумывая десятки вариантов, Кейн решил создать универсальные трусы. Трусы, которые не стыдно было бы надеть и на первое свидание, и на романтический ужин с женой, и на совещание корпоративного совета фирмы. Трусы должны были стать сублимацией похоти и одновременно олицетворением невинности и подавленной сексуальности. И демонстрировать амбиции своего владельца. Разумеется, пошиты они должны быть из материи экстра-класса, что, как известно, неотразимо действует на женщин. О господи, что говорить, даже гетеросексуалы выбирают себе трусы не только с мыслью о женщинах. Вне всякого сомнения, им куда важнее подать соответствующий сигнал другим мужчинам — скрыть слабость, робость, колебания, продемонстрировать силу, богатство, престижность, в конце концов, амбиции, направленные на успех в корпоративной карьере. Сказать легко, ну а как этого добиться, как соединить модерн с романтичностью, артистизм с корпоративностью? А ткань? Что это должно быть: шелк,

кашемир или же тончайшей выделки, почти прозрачная кожа? А может, синтетика? Парча, шерсть или бархат? Как добиться того, чтоб трусы не вытягивались, не пузырились, не теряли формы? А какой выбрать цвет: холодный или теплый, например клубники со сливками, а может, желтовато-золотистый? Что сделать, дабы избежать ошибок на непроторенном пути создания самой простой и чистой формы как средства коммуникации? И вот наконец свершилось. Я как раз лежал, приходя в себя после операции по уменьшению носа и подтяжки кожи на шее, просматривая присланную мне на авторизацию статью с моей биографией, принадлежащую перу юного талантливого журналиста из Италии, Джузеппе Маринетти, когда затрещал телефон. На проводе был Кейн. В первый момент я его не узнал, настолько у него был изменившийся голос. Он потребовал, чтоб я немедленно к нему приехал. Без ошейника. И бросил трубку. Я понял, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Скоростной лифт, поднимавший меня на шестьдесят восьмой этаж, где жил Кейн, казалось, ползет как черепаха. Дверь мне открыл шеф телохранителей Стивен. Я спросил его, что случилось. Но он только замотал головой. Стивен, эта примитив-

ная машина для убийства, не мог выдавить из себя ни слова. Я последовал за ним. Первое, что я услышал, были звуки Девятой симфонии. Сердце у меня бешено колотилось. Я шел через анфилады комнат, лабиринты коридоров, мимо стоявших вдоль стен ломящихся от одежды шкафов. Потом Стивен распахнул передо мной тяжелую дубовую дверь гостиной. Музыка лавиной обрушилась на меня. Оглушенный Бетховеном, ослепленный ярким светом и одурманенный ароматом духов, я непроизвольно зажмурился, но лишь на какую-то секунду. Открыв глаза, я увидел Кейна. Он стоял на пьедестале из черного мрамора, его тело сплошь было покрыто позолотой. С четырех сторон от него на низеньких постаментах замерли без движения четверо великолепно сложенных совершенно нагих мужчин. Все как один светловолосые, и у каждого в вытянутой руке горящий факел. Их фигуры были подобны греческим мраморным статуям. А на Кейне были трусы. Те самые трусы. Что вам еще сказать? В тот момент на моих глазах рождалась легенда. Снежную белизну королевского хлопка красиво подчеркивала холодноватая серебристость резинки, символизирующей связь с космосом. Ниже — выдержанный в теплых оранжевых

тонах гульфик. Синтез неба и земли. Шик, простота, сексуальность. Я плакал, не стыдясь слез. В углу негромко всхлипывал Стивен. А Кейн, сам Кейн, тоже был очень взволнован. Склонившись с пьедестала, он нежно взъерошил мои волосы. «Да, мой мальчик, — сказал он, — да, дорогой мой Жан-Пьер, я подарил мужчинам то, чего они заслуживают. Из этих трусов, даже при ежедневной стирке, никогда не выпадет птенчик. — И пока я, глотая слезы, восторженно поддакивал, добавил: — Этот невероятный факт я подтверждаю своей личной подписью на купоне с пятилетней гарантией». Я мог бы еще очень долго рассказывать, но чувствую приближение оргазма. Так что, пожалуйста, на минуточку схватите меня за яйца.

Рассказ Кубы

Пока он болтал, я все украдкой оглядывался на бассейн — как там моя свинья, чем он пытался воспользоваться и лез целоваться. Пришлось популярно объяснить, чтобы не фамильярничал, а то что ж это такое получается — ведь мы совсем незнакомы, и на тебе. Вроде бы воспитанный, а никакого понятия о правилах приличия. Мало что нагло мною попользовался, так еще прицепился как банный лист и ждет незнамо чего. Ведь сказал же, как порядочному, что я человек рабочей косточки, мне сегодня в законный брак вступать и дел невпроворот, а он давай заправлять арапа, будто бы влюбился и чтоб я не вздумал глупить, связываясь с какими-то там женщинами, а летел с ним в Нью-Йорк. Не зная, как отбояриться, я огорошил его вопросом, во сколько у него самолет. И тогда Жан-Пьер, взглянув на часы, схватился за голову, сунул мне листок с номером телефона и пожелал счастья в семейной жизни. Однако напоследок настоял, чтоб я проводил его до кустов и на прощание подарил один поцелуй. Ну что ты будешь делать

— вижу, добром не отцепится. А он прослезился, поохал, крикнул что-то вроде «адью, мон амур» и был таков.

А момент был самый что ни на есть пиковый, потому что из воды показалось, как перископ подводной лодки, топорище, а следом — свинья во всей свой красе.

Насилу отплевался, утешаясь только тем, что поцелуй вырван у меня против воли и согласился я исключительно ради грядущего бракосочетания. И что добрый Бог простит мне это осквернение уст, которые даны для вкушения хлеба и молитвы, а не для такой мерзости, как, например, задница. Такие мысли вертелись в моей голове, пока я вылавливал из воды свинью, а затем обрубал ей копытца и подрезал горло, чтоб захлопнулись моргалы. И обвыкший уже на местности, едва держась на ногах, но довольный, потащился с ней к поезду. Теперь состав шел пустой даже в сторону аэропорта, видать все, кто хотел, в большинстве своем благополучно смылись. Собрав последние силы, я затолкал чемодан со свиньей на полку, чтоб не искушала. А сам плюхнулся напротив у окна, не спуская с чемодана глаз. На первой же остановке под ним сел мужчина в шляпе, какую носят американские

ковбои в фильмах. Вроде бы жилистый и даже как бы плечистый, но в таком возрасте, когда самое время ехать с гробом на кладбище, а не со спортивной сумкой в аэропорт. Но я уже привык, что здесь преспокойно разъезжают и расхаживают вампиры и вампирши, которым в нормальных обстоятельствах вышел бы на то запрет. А этот субъект вдобавок после того, как я сообщил, что взят по контракту в замок ночным сторожем, с места в карьер понес что-то несусветное. Слушал я с пятого на десятое, потому что из его болтовни, во-первых, выходило, что он диссидент. А во-вторых, я немного струхнул: с чемодана, как я его ни вытирал травой и полой рубахи, прямо ему на шляпу закапало красненьким. За ту крамолу, которую он с самого начала понес, я бы не удивился, если б его громом поразило на месте. Никогда, мол, ну просто никогда ни он, ни Кейн не принимали мир таким, каким его сотворил Бог. Едва он только выпалил эти кощунственные слова, как поезд затормозил и от резкого толчка чемодан со свиньей рухнул ему на башку. И субъект грохнулся на пол ничком. Когда же я его поднял, чтоб посмотреть что и как, он дрыгнул пару раз ногами и замер без движения. Гляжу, с волос у него потекло что-то беловато-жирное, а

по лицу поползла струйка крови. Свят, свят, свят, перекрестился я. На счастье, свинья из чемодана не вывалилась, но так или иначе непонятно, что делать. Мужской труп налицо. Хотя поезд вроде бы пустой, а ну как войдут контролеры и меня обвинят? Даже если я им объясню, что моей вины тут нет, свинью в качестве вещественного доказательства, как пить дать, отберут. Нужных бумаг для законного пребывания у меня нету — кто угодно может прицепиться. Все, через что я прошел, — коту под хвост, думал я, открывая окно и проталкивая в него труп. Потом захлопнул окно, закинул чемодан обратно на полку и уселся как ни в чем не бывало. Но не тут-то было. Тот тип снаружи стал биться в стекло. Я глаза протер — не исчезает и продолжает стучаться в окно, чтоб его впустили. У меня мороз продрал по коже: мне-то казалось, он прямо под колеса полетел. Но, как видно, современный призрак, так сказать, дух времени, на то и современный — ему только дай просочиться, потом ни за что не отвяжется.

И охватило меня общеизвестное уныние, какое часто нападает на польскую диаспору в Америке, хотя поляки экономны и трудолюбивы. Однако надо все-таки быть человеком, грех не впустить, не подать руку в беде. Открыл окно и впустил, а

он вежливо поблагодарил и давай из своей сумки — черт, о ней-то я совсем забыл — чего-то выуживать: какие-то мази не мази, бинты да присыпки. Обтерся, рассмеялся, надел шляпу, впрочем, весьма кстати и вовремя, потому что из свиньи снова закапало. Спросил, не буду ли я против, если он скрасит мне дорогу рассказом о своей жизни. В сравнении с этим нахалом Жан-Пьером он производил впечатление человека высокой культуры, ну я и согласился — мол, будьте любезны.

Рассказ Майкла Гуса, он же Миша Гусев, он же Михал Гузка… настоящее имя неизвестно

Предупреждаю, точно сказать, в какой местности родился, я не могу. К этому мы еще вернемся, а пока хочу кое-что вам объяснить, дабы не возникло недоразумения. Так вот, минуту назад, как помните, вы вытолкали меня в окно. Только, пожалуйста, не корите себя за это. Во-первых, мне это не в новинку. А кроме того, я ни капельки не рисковал. Прикинуться мертвым, полететь под колеса — это один из примитивнейших трюков, которые я не раз проделывал, работая на Кейна. Ну, вы понимаете: грим на скорую руку, разные там каучуковые прибамбасы, — в общем, никаких проблем. Честно признаться, симулируя смерть, я вас отчасти искушал. Я, знаете ли, неплохой психолог. И с первой минуты почувствовал к вам искреннюю симпатию. Мне показалось, уж вы простите, что я знаю вас много лет. Разумеется, полной уверенности быть не могло, но своего рода предчувствие, что вы меня вышвырнете, имелось. Наверно, это была инту-

ция, а может, и голос свыше. Во всяком случае, сам факт выбрасывания из поезда послужил для меня своеобразным и, заметьте, романтическим возвращением в раннее детство. Поиск ответа на мучающий меня вопрос во мраке подсознания. Вы, возможно, не верите во все эти теории доктора Фрейда. Но вам должно быть понятно, о чем я говорю.

Итак, в первый раз меня выкинули из поезда, когда мне еще и года не было. Кажется, я уже упоминал, что где родился, точно сказать не могу. Зато знаю, в каком месте упал на землю. Это произошло в Восточной Европе, конкретно в государстве, именуемом Польшей, а еще конкретней — в городишке под названием Седльце. Понятия не имею, откуда тот поезд ехал и кто меня из него выкинул. Доподлинно известно только одно — вышвырнули, когда я был еще в пеленках. И при этом остался цел и невредим. Само собой, нельзя сбрасывать со счетов и такую вероятность, что поезд направлялся прямиком в какой-нибудь из гитлеровских лагерей смерти — тогда такие составы один за другим шли через Польшу. В общем, скорее всего, я был еврейским ребенком, и из поезда меня выкинула мать, чтоб спасти мне жизнь. Разумеется, нельзя исключать

и того, что я был обыкновенным внебрачным ребенком, каких тысячи матерей на свете топят будто котят, душат или, как в моем случае, выбрасывают из поездов. Тут мотивы, по которым меня выкинули, были бы уже иные.

Первая версия все же представляется более вероятной. То есть меня выбросили ради спасения моей жизни. Об этом свидетельствует хотя бы то, что рядом со мной на рельсах, где меня нашли, лежало еще одно тело — застреленный мужчина с нашитой на пальто звездой Давида. Уж не был ли это случайно мой отец? Но докопаться до правды мне уже никогда не удастся. В общем, выкинули — а мне хоть бы что. Как и сегодня, кстати, но, естественно, по другим причинам. Просто я тогда весил всего ничего и приземлился на спину, а пеленки и одеяльце смягчили удар. Если поезд направлялся в Освенцим и если я был евреем, то мог быть родом скорее из Чехословакии, нежели из Франции, или из Венгрии скорее, чем из Италии. Но явно не из Польши, потому что подобравшая меня женщина, то есть моя приемная мать, рассказала мне спустя несколько лет, что в пеленках была записка, и похоже, на иностранном языке. Однако уверенности у меня и тут нету, потому что ни она, ни ее муж не умели

читать, а записка потом куда-то запропастилась.

Звали их Ян и Мария Гузка. Мнения супругов на мой счет разделились. Ян Гузка считал, что меня следует немедленно сдать немцам, потому что я наверняка еврей, и дознайся об этом фашисты — их семье придет конец. Моя же приемная мать заявила, что, хотя один глаз у меня черный, зато второй — голубой, и что я необрезанный, носик у меня аккуратный и нужно подождать, пока не вырастут волосики. Кроме того, если они будут соблюдать осторожность, никто ничего не узнает, а за то, что меня отнесут немцам, так и так никакой награды не предусмотрено.

Кстати, жилось моим приемным родителям совсем неплохо. Незадолго до этого в местечке поблизости с большим размахом прошел погром, о котором Гузок загодя предупредили родственники. Супруги скоренько запрягли лошадь, поехали и привезли на телеге восемь перин, четырнадцать подушек, двое напольных часов, почти неношеную шубу из рыжей лисы, мешок тарелок и золотые часы с цепочкой. Моя приемная мать сочла это божьим знамением и решила, что евреев нужно отблагодарить — спасти меня, если я действительно еврей, а если нет, то тем более.

Приемный отец так уж сильно в этом не был

уверен, и они скандалили, но по-тихому, чтоб не услыхали соседи, потому что соседское мнение могло перевесить. В конце концов пани Гузка победила и однажды ночью втихаря отнесла меня к ксендзу, который тайно меня окрестил. В каком-то смысле это облегчило мое положение, а в каком-то — еще больше запутало. Так или иначе, я легально стал римским католиком — Михалом Гузкой. Обе дочери Гузок, десятилетняя Кася и двенадцатилетняя Зося, запуганные родителями, держались от меня подальше. Если кто заходил в дом, меня прятали; потом уж я сам научился прятаться. Чаще всего в собачьей конуре. На всем белом свете только собаки и питали ко мне симпатию. Это слегка подрывало убежденность моего отца в том, что я еврей, поскольку, по всем поверьям, собака чует плохого человека.

О привязанности ко мне собак я упомянул не без причины, как вы сами вскоре убедитесь. Во всяком случае, когда мне исполнилось два года, я научился в мгновение ока исчезать, переодеваться, прятаться и прикидываться неживым так искусно, что, когда однажды заполз в наволочку, Ян Гузка, подложив ее себе под голову, так и проспал всю ночь, ничего не заподозрив. Не буду больше утомлять вас рассказами о своем детстве.

Наверняка вы слышали десятки подобных банальных историй. Короче, войну я пережил, как вы сами можете убедиться.

Спустя четыре года после окончания войны, когда я пошел в первый класс, моя приемная мать рассказала мне все, что знала сама. Попросила прощения за то, что не сберегла обнаруженную в пеленках записочку, развела руками — больше, мол, ничего для тебя не могу сделать — и умерла. Дети в школе, посоветовавшись, решили большинством голосов, что никакой я не Гузка, а приблудный еврей, и взялись за меня всерьез. Обе приемные сестры и приемный отец не возражали. Ждать было нечего. Проплакав всю ночь, я распрощался с псом Шариком и удрал из дома. К счастью, никто меня не преследовал. Я частенько задумываюсь, что бы со мной стало, не сбеги я тогда. Впрочем, бог с ними со всеми. Я сбежал. Получилось, будто меня снова на ходу выкинули из поезда.

Вы спросите, что было потом? Путешествовал зайцем, воровал еду, спал где придется и в один прекрасный день попал в цирк. Насколько помню, я рассказывал, как хорошо ко мне относятся собаки. Так вот, в Варшаве проездом ненадолго остановился советский цирк-шапито, разбив-

ший свои шатры в Белянском лесу. Я крутился поблизости и, улучив момент, во время уборки украдкой проскользнул в клетку с цирковыми собаками. Там было семеро пуделей, четыре шпица, целая свора фокстерьеров, две афганские борзые и любимец директора цирка огромный черный как смоль и злой как дьявол питбуль Саша.

Саша, как только меня увидал, вздыбил шерсть и ощерил пасть. Это конец, подумал я и покрепче зажмурил глаза. С минуту он жарко дышал мне в лицо и как бы раздумывал. А потом вместо того, чтоб загрызть, лизнул шершавым языком в щеку. Я заплакал, и он тоже так расчувствовался, что вдруг заскулил как щенок и сам вырыл мне норку в сене. Знаете ли, я всегда волнуюсь, рассказывая эту историю, хоть и произошла она давным-давно.

В Западном Берлине, когда я выбрался из сена, мне бы тоже пришлось несладко, если бы не мой дорогой питбуль Саша. Слава богу, директор Иосиф Иванович Петров, видя, как Саша ко мне ластится, а на него рычит, махнул рукой и нелегально взял меня на работу — вычесывать шерсть собакам, завязывать им банты и помогать в дрессировке. А вскоре даже с помощью четверых кагэбэшников, официально якобы за-

нимающихся кормлением животных, справил мне документы. Вот так я стал русским, сыном цирка, Мишей Гусевым. В цирке я мог бы вполне быть счастлив, если б не безумная и безответная страсть к Ларисе Кириленко, гуттаперчевой женщине с Украины, которой я неосторожно признался в своем двусмысленном происхождении. К счастью, она никому не разболтала, но мучила меня по ночам страшно. В конце концов с ней произошел несчастный случай, из-за перелома позвоночника она потеряла работу, а я смог сосредоточиться на своей карьере.

Я был честолюбив, но долгое время мне не везло. Удача улыбнулась только через шесть лет, в тот день, когда меня приставили к осветительным приборам. Я здорово направлял лучи света, так что казалось, будто акробаты крутят на одно сальто больше. Никто не мог этого объяснить, как и я, впрочем. Талант, да и только. Потом я увлекся шитьем костюмов. Кроил, сметывал, порол и снова сшивал. Мог так одеть карлика, что он выглядел великаном, мужчина — женщиной, а ребенок — старичком. В общем, превращал маленьких в больших, мужчин в женщин. Вы, наверно, подумали, что это как-то связано с моим детством. Не знаю, вполне возможно. Потом я

начал наряжать одних зверей в других, а то и в людей. Таким образом я хотел их отблагодарить — мало ли что еще может приключиться.

Как-то заболел лев, и я пошил на питбуля Сашу костюм царя зверей, так что зрители не заметили подмены. А когда незабвенный — царство ему небесное — Саша по ошибке сожрал крысиный яд и сдох, переодел питбулем болтавшегося в цирке без применения алкаша-лилипута, благодаря чему тот встал на ноги. А теперь будьте внимательны: я подхожу к самому важному месту в своем рассказе. После гастролей в Лос-Анджелесе все наши циркачи, оглядевшись вокруг, дружно попросили политического убежища. Все, кроме директора, у которого в Москве осталась большая семья, четверых кагэбэшников, ну и, само собой разумеется, зверей. Это событие стало громкой сенсацией, телевидение без конца брало у нас интервью. В частности, я рассказал о своей технологии переодевания, и двумя днями позже некая быстро стареющая Звезда прислала за мной лимузин и предложила необычный заказ. Речь шла о создании шкуры молодой женщины, которую Звезда могла бы надевать, а вернее, влезать в нее, выходя из дома на приемы, церемонии присуждения Оскаров и т. д. Я согласился, поставив условие

— натуральный материал должен быть отменного качества. Звезда заявила, что с этим проблем не будет. Целый месяц я трудился в ее сказочной резиденции в Малибу. Материал, который она мне предоставила, действительно был превосходен, ну и я постарался на славу. Безупречно белый цвет, кое-где несколько веснушек, темная родинка, лопнувший кровеносный сосудик, чуть просвечивающие голубоватые жилки на шее и руках. Нотабене: в этой шкуре в случае чего могла спрятаться парочка детишек. Подкладка, конечно же, тончайшего китайского шелка.

Из оставшегося материала я сделал еще одну экстра-класса шкуру с прикрепленным к ней любимым вечерним туалетом Звезды. Она была в восторге. Заплатила мне очень щедро, а главное — взяла меня с собой на один из тех закрытых голливудских приемов, на которые не допускалась вся тамошняя шваль, где я и познакомился с Д. Д. К. Кто он такой, мне, разумеется, было известно, но я честно признался, что не знаю, кто я такой. Мы разговорились. Кейн в то время находился на вершине славы — уже после создания трусов, но еще до истории с Соней. Он спросил, в какой области я подвизаюсь, и я ответил, что в основном прячу, преображаю, маскирую и дово-

жу до совершенства. И указал ему на Звезду, а он не раздумывая предложил мне сотрудничество. Кейн как раз скупал один за другим телеканалы и объединял их в мощную информационную сеть, поставив перед собой задачу создания новой концепции «Теленовостей Кейна». Ни делать, ни смотреть новости в традиционном формате он больше не желал.

Его выводили из себя неуклюжая жестикуляция политиков, дилетантское гримасничанье убийц, бессистемность экзекуций, неубедительность конвульсий жертв, безалаберное смешение стилей в прическах, бездарные сочетания цвета глаз, волос и усов. И наконец, самое огорчительное — низкопробное качество одежды, воцарившаяся на телеэкранах откровенная дешевка, надерганная чаще всего из случайных коллекций, а порой даже приобретаемая на распродажах; все это, по его мнению, было издевательством над канонами хорошего вкуса. Кейн рискнул — доверился мне и не ошибся. Потому что мой природный талант, подкрепленный идеями и миллионами Кейна, а также суперсовременными технологиями, с ходу начал приносить плоды.

Первым делом мы стали отправлять на места катастроф, сексуальных насилий и террори-

стических атак самых лучших артдизайнеров, частенько задолго до начала событий. Супермодели обоего пола изображали убийц и их жертвы в специально пошитых для этих целей костюмах. Как правило, снимались короткие ролики, которые мигом расхватывались и продавались из-под прилавка. Приталенные узкобортные фланелевые костюмы цвета маренго из «Кровавой бойни на Пенсильванском вокзале», стильные брюки Вампира из Мемориала Линкольна, долгополые плащи из грязноватого, с налетом дымной гари хлопка, свободного покроя, но подчеркивающие широкие плечи покидающих Грозный боевиков Басаева, — все это сразу же становилось классикой.

К шедеврам Кейна того периода относятся снятая с двенадцати вертолетов захватывающая стилизованная видеозапись затопления Флориды в 2010 году и сюжет об отравлении цианистым калием воды в нью-йоркском водопроводе в 2012-м. Много сил мы вложили в творческую переработку архивных материалов. Кейн был просто помешан на находках дизайнеров Третьего рейха. Правда, он сохранил на кинопленке как есть черные мундиры гестаповцев, зато благодаря нашим стараниям напрочь исчезла зелень

вермахтовской формы, которую Кейн считал дизайнерским просчетом. И сегодня уже трудно представить себе армию Адольфа Гитлера без джинсов, психоделических темных очков и широкополых панам.

Пора, однако, заканчивать рассказ — вы, как я вижу, подъезжаете к своей станции. Весьма рад нашему знакомству. Признаюсь, когда вы меня выпихивали в окно, в какой-то моменту меня появилась надежда, что произойдет чудо, и я узнаю тайну своего происхождения, вспомню своих родителей и ко мне вернется память о прошлом. Но такое случается только в «Новостях Кейна», и то сказать: что может помнить о себе шестимесячный младенец?

Рассказ Кубы

Должен признаться, что, слушая его воспоминания о прекрасных годах детства, я несколько раз умылся горькими слезами. Получалось, что он почти свой, земляк, пускай и еврей, но все же католик из наших краев. Мне хотелось поподробнее расспросить его о деревне, поболтать на родном языке — наверняка он ему научился — и попытать, не знает ли он о существовании в замке хоть чего-нибудь связанного с Польшей или, на худой конец, польской газеты. Но прервать его как-то все не выходило, а теперь было уже поздно, хотя бы потому, что поезд прежде чем остановиться, снова дернулся, видать, заклинило что-то в механизме. А свинья только того и ждала — опять вместе с чемоданом свалилась ему на башку. И снова он сполз с лавки на пол и что-то липко-белое, смешанное с кровью, потекло у него по лицу. При таком раскладе я не стал ему мешать — вдруг что-нибудь ненароком о себе вспомнит. Не простившись, я сошел с поезда, только с перрона помахал ему, но он в ответ махать не стал.

Кухарка сперва на меня напустилась, чего я

так долго канителился и что со мной стыда не оберешься — штаны насквозь мокрые, но, завидев свинью, сразу размякла, назвала меня «мой цыпленочек» и принялась за свинку, да так, что любо-дорого поглядеть. В огромных чанах нагрела воды, отмыла свинью дочиста. Подставила ковшик, чтоб стекла кровь, а потом начала тушу ловко разделывать и рубить на порции — я весь слюной изошел. Отдельно филей, отдельно розовехонькие легкие, потом бросила в миску желудочек, отложила отбивные на косточках, ошеек и лопатку на гуляш. Вскрыла свинье черепушку, выковыряла все изнутри, сдобрила перцем, нашинковала чесноку и какой-то здешней петрушечки, отложила ушки на холодец, пятачок вместе с глазками бросила пуделю, добавив кучку потрохов, и посетовала на недостаток времени, не то б она получше их промыла да понаделала охотничьих колбасок и наготовила рубцов, а если б я добыл немного говядины, она бы, смешав, навертела отменного сервелата, а будь еще у нее под рукой гречневая крупа, то заварила бы кровь и приготовила кашанку.[8] А так кровь пойдет только в суп. Потом, причитая и выговаривая

[8] Примечания: 8
Кашанка — кровяная колбаса, начиненная гречневой кашей.

мне, как это у баб водится, поставила запекать ветчину. Продолжая стонать и охать, что мало времени на засолку мяса, взялась за подготовку ножек и рульки для холодца. Видно было, что есть у нее склонность и талант к готовке и колбасному делу. Из чего я понял, что сделал правильный выбор, и махнул рукой на предупреждение тетки ни за что не жениться на первой встречной.

Вскоре в чанах уже булькало, ветчина запекалась, а кухарка, крутясь возле плиты, попыталась кликнуть детей. Да где там! А поскольку издалека доносились взрывы, я подумал, отмокая в горячей воде перед свадьбой, что ребятня наверняка вертится около самолетов. Вылезши из ванны, я сразу натянул чистые носки и трусы, ну эти, от Кейна. А накрахмаленная и наглаженная рубашка с галстуком уже ждали меня, разложенные на постели. Я влез в чуток еще влажные, но с безупречной стрелкой брюки и только было начал расчесывать мокрые волосы, вдыхая неземные запахи, как влетела кухарка с пылающим лицом, будто за ней кто гнался. Надо заметить, что, пока я мылся, кухарка принарядилась. Надела белую блузку — три верхних пуговички не застегнуты, так что виднелся розовый лифчик и буфера как на ладони. Ниже — мини-юбка из черной кожи,

похоже, еще ни разу не надеванная, потому что в обтяжечку и блестит и скрипит при каждом шаге. Дальше — мои любимые ноги в черных полупрозрачных колготах со швом, и ко всему этому блескучие лакировки на высоком каблуке.

Только я даже еще не успел ею налюбоваться, как кухарка заорала благим матом, что с аэродрома позвонил Педро, и он не то что опаздывает, а вовсе не приедет. У него, видите ли, билет на последний самолет, который улетает не то что через пару часов, а просто с минуты на минуту.

— Так что ж теперь будет? — спросил я.

— А то и будет: немедля — одна нога здесь, другая там — в аэропорт, хватай его и вези сюда.

Я было спросил, это как же я схвачу, силу, что ль, применять? Но кухарка вместо ответа зашлась в крике, нельзя, мол, терять ни секунды. Чтоб я сию минуту дул в аэропорт, и без разговоров. А коли мне Педро перехватить не удастся, то на глаза ей лучше не показываться. Я возразил, что незачем меня обижать, разве я виноват, что Педро улетает? Я, как честный человек, искренно и по уши влюбленный, свинью ей в срок доставил, а она? В ответ кухарка начала разоряться, что, понятное дело, у нью-йоркцев это в обычае, но де не на ту напал. Не будет она со мной невенчанной,

как проститутка, жить. И не даст загубить свою жизнь во второй раз, после чего велела мне сесть и выслушать ее рассказ о том, как она однажды уже загубила свою жизнь.

Рассказ кухарки

Я родилась в Мексике в городишке Хуарес на реке Рио-Гранде. На другом берегу реки уже был город Эль-Пасо и Соединенные Штаты. Достаточно переехать или перейти через мост Санта-Фе, и ты уже в Техасе. С героином либо с кокаином, ясное дело, шли окольным путем.

Мы с родителями жили в самом грязном районе Хуареса, прозванном Выселками. Ворье, строившее его, а потом продававшее бедноте, не забивало себе голову такими пустяками, как водопровод и электричество. На четыре барака приходились одна колонка и два дощатых сортира. Готовили на чугунной плите, которую топили чем придется. С точки зрения жизненных перспектив у мужчины в Выселках на выбор было четыре пути: подыхать с голоду, податься в наркобизнес, разбойничать на Панамериканском шоссе, нападая на туристов, или же, как мой отец, переправлять нелегальных эмигрантов через границу. Что касается женщин, то можно было пойти либо в кухарки, либо в проститутки. И там и там царила страшная конкуренция. В

школу, мы, конечно, ходили, но недолго, потому что в семье постоянно не хватало денег. Впрочем, учителя нас учили спустя рукава и боялись ставить плохие отметки, особенно после того случая, когда мой брат Антонио неизвестно почему изнасиловал учительницу по английскому, с точки зрения статей — совсем никудышную, и пристрелил преподавателя математики. Антонио, верзила ростом метр девяносто восемь, оставаясь после уроков, что ни день насиловал девчонок из класса. А когда уже всех перетрахал, подрядился работать на уважаемого не только в Хуаресе, но и во всей Мексике дона Амадо Карильо Фуэнтеса, по прозвищу Король Неба, потому что этот Амадо Карильо переправлял кокаин из Колумбии в Штаты через Мексику самолетами. Мой младший брат Эмилио сразу же, как получил образование, начал делать карьеру в полиции: они там всем отделением и вместе с солдатами помогали загружать товар в самолеты Короля Неба. Зато мать была поварихой в самом знаменитом ресторане «Фиеста мексикана», расположенном почти в центре, на Хуарес-авенида. Двух мнений быть не может — у нее был великий талант к готовке, который я унаследовала, а то и ее переплюнула. Другой навык, который я приобрела и чем овла-

дела в совершенстве, было перевязывание ран. Мои братья без конца являлись домой если не избитые, то порезанные ножом либо с огнестрельными ранениями. Я научилась накладывать швы и вытаскивать пули из ран не хуже заправского хирурга. Имелось наверняка и что-то третье, к чему я была приспособлена, потому как вообще-то люди рождаются с талантом к трем вещам. Но этого третьего пока во мне никто не раскрыл.

Отец, как я уже говорила, переправлял нелегальных эмигрантов на другой берег Рио-Гранде, чаще всего в хлипких лодчонках, а мой младший брат Педро ему помогал. Однажды Педро вернулся домой один. Отец так увлекся переброской на тот берег черномазой девчонки с ногами как спички, плоской задницей и почти без сисек (во всяком случае, грудь у нее была намного меньше моей), что всякий их след сгинул. Говорили, кто-то его видел на улице в Сан-Франциско. Глупый он был: так, как готовила мать, никто ему готовить не будет. Ну, может, никто, кроме меня, а я бы с удовольствием начинила ему буррито стрихнином за то, сколько мать через него натерпелась и настрадалась. Главным образом по причине уязвленной гордости, ведь она была лучшей поварихой во всем северо-западном округе

Хуареса. После того как отец вышел из бизнеса, мой братишка Педро занялся этим делом на свой страх и риск. Однажды, переправляя людей более трудным, зато менее охраняемым путем, через пустыню, он разминулся с грузовиком, который должен был их забрать, и, хотя это в его обязанности не входило, решил вместе с ними заночевать, поджидая транспорт. Педро был хороший мальчик, но соображал туго. Вроде бы людей убивать каждый дурак может, а у него даже с этим вечно возникали проблемы. В ту ночь из-за боязни гремучих змей все улеглись прямо на шпалах. Только ведь рельсы не спасают ни от гремучих змей, ни от поезда. Они заснули, и их переехал экспресс «Юнион Пасифик».

Это окончательно добило мою мать. Она легла в постель и заявила, что умрет в то же день и час, что и ее мать, то есть третьего сентября ровно в одиннадцать утра. Но с горя и это у нее не вышло. Она умерла два дня спустя в пять часов вечера. Но прежде пристроила меня На место старшей поварихи, и не в какую-то там забегаловку, а в «Чихуахуа Чарлиз». А это не шутка получить место в лучшем ресторане города, в самом центре на Пласа-дель-лас-Америкас. Туда стекались самые сливки общества и богатые туристы. Мы подава-

ли не только сваренные в белом вине лобстеры, устрицы, креветки, омары, сбрызнутые лимонным соком, с гарниром из оливок и шпината с тертым чесноком, восемнадцать разновидностей буритто, одиннадцать — энчилады, утку с рисом, черной фасолью и маниокой, но и бифштексы, и свиные отбивные под тремя соусами и пяти различных вкусов. Благодаря этому, кстати, мне ничего не стоит закатить шикарный свадебный пир.

Однажды вечером мой брат Антонио, которому Король Неба доверял уже до такой степени, что назначил его главным киллером, привел своего шефа поужинать в «Чихуахуа Чарлиз». Амадо Карильо съел крабовый суп с зелеными оливками, морковкой и цукини, мраморное филе «миньон» с черной фасолью, желтым рисом и сметаной. Попробовал пасты «эль эстильо акапулько», а на десерт проглотил «сопайильяс» с ванильным мороженым, а также съел кусочек торта «Амаретто», политого коньяком. И что тут говорить, доволен был как ребенок. Велел позвать меня с кухни и публично похвалил.

Вскоре Король Неба выстроил пятизвездочный отель с кондиционированием, бассейном, полем для гольфа и рестораном в северной части города,

неподалеку от своего Ранчо-де-ла-Кампанья, и именно мне поручил руководство кухней. Антонио ходил гордый как павлин, а я заказала десять служб на помин души матери. Кстати, ресторан я назвала в ее честь — «Мама мексикана». Сразу же переехала из лачуги в шикарную пятикомнатную виллу с водопроводом, электричеством, горничной, кондиционером, телефоном, факсом и Интернетом. Амадо Карильо публично заявил, чтоб я не забивала себе голову расходами, лишь бы еда была на уровне. Под моим началом работали двенадцать поварих, шесть поваров, тридцать шесть официантов и двадцать девять посудомоек. И «Мама мексикана» прославилась не только на весь Хуарес, но и на всю Мексику. Поэтому именно у меня, а не где-нибудь еще состоялся прием по случаю свадьбы старшей сестры Короля Неба: в ресторане собралось двести гостей из Мексики, Колумбии, Лос-Анджелеса, Далласа и Вашингтона, а снаружи дежурили четыреста пятнадцать охранников с собаками. Кстати, этот прием почтил своим присутствием сам шеф бригады по борьбе с наркотиками, генерал Хесус Гультиеррес Ребельо. Именно он, что ни говори завсегдатай светских приемов, признал, что никогда и нигде не едал лучшего «бурритос де

тинга поблана». Благодаря дружбе с генералом Ребельо Король Неба всегда знал, кто в картеле внедренный тайный агент, и рано или поздно приглашал лазутчика ко мне на ужин — и тут появлялся мой брат Антонио.

А тайных агентов хватало, кроме того, на беду, не раз случалось, что безмозглые американские туристы лезли куда не надо, и, чтоб избавиться от нежелательных свидетелей сделок, Антонио волей-неволей и ими вынужден был заниматься. Он работал ночи напролет, исхудал, глаза ввалились; мне плакать хотелось, когда я на него смотрела. Что же тут удивляться. Как большинство мексиканок, я очень сентиментальна. А тогда мне было двадцать лет, кровь бурлила в жилах, и двигалась я с грацией молодой лани. Вечерами ходила на берег реки, смотрела на лодки контрабандистов и трупы дохлых собак, которые крутило течением. Вдыхала болотные запахи гниющих водорослей и рыбьих потрохов, слушала, как шуршат и снуют в траве крысы, и меня охватывала необъяснимая тоска. Я чувствовала, что пришла пора выходить замуж. Сами видите, с цветом лица у меня и сейчас все в порядке, но тогда я была — ну чисто кофе с молоком. Мой старший брат Антонио как-то сказал, что от меня

возбуждающе пахнет джунглями. К сожалению, в замке этот запах полностью улетучился.

Конечно же, вокруг меня увивались толпы мужчин возрастом от шестнадцати до шестидесяти, и давно бы мне быть, в лучшем случае, изнасилованной, если бы не всеобщий страх перед Антонио. Боялись его так, что ближе чем на три шага не подходили.

А тем временем мне приглянулся Дарио Винсенте Рамос. Он жил с матерью в развалюхе на самой окраине Выселок и не носил усов. Работал у меня помощником официанта и помогал закупать продукты. Ему было ровно девятнадцать, глаза блестящие, огромные; стоило ему глянуть, как меня мороз продирал по коже, ноги подкашивались и «там» становилась мокро, — одним словом, все те же признаки, которые появились, когда я увидела вас, мистер Куба. Но вернемся к Рамосу. Однажды — мы как раз закупали мясо на рынке, а надо сказать, я всегда лично следила, чтобы мясо было наисвежайшее и самого лучшего сорта, такая уж я уродилась, — он отодвинул в сторону четверть коровьей туши, подошел ко мне близко-близко, дрожащей рукой сунул красную розу и убежал.

С тех пор я потеряла аппетит, охладела к готов-

ке и голова у меня то и дело кружилась. Рамос начал сниться мне по ночам. Не то чтобы он был высокий, но очень тонкий в талии, так и подмывало перекусить его, а потом схрумкать целиком. Одет был всегда опрятно и чисто, и никакая жара, ни солнце, ни мясо ему были нипочем. Никогда не потел, и пахло от него всегда свежестью.

Я решила, что это ОН. Все думала, как бы придать ему смелости, сломать преграды, возникшие между нами по причине моего высокого социального положения. Для начала я назначила его главным поставщиком мяса. Это не прошло для меня даром — видеть я его стала реже. В поисках хорошего товара он добирался даже до Тигуаны. Тосковала я по нему страшно, но с каждой поставкой он присылал мне какой-нибудь знак своей любви — спрятанную в туше коровы или завернутую в пачку накладных красную розочку. Мне ничего не оставалось, как только просить Бога, чтоб Рамос поскорей отважился со мной заговорить. У меня крепло предчувствие, что минута эта близка.

И вот однажды вечером Антонио сказал, что ему предстоит большая работа: на ужин приглашены двенадцать гостей — все засланные агенты. Как обычно, вручил мне список с фамилиями,

чтобы я могла разложить карточки у приборов. Равнодушно пробегаю глазами список, и вдруг — меня как током ударило. Среди двенадцати фамилий черным по белому значилось и его имя — Дарио Винсенте Рамос. Ноги подо мной подкосились, но я поняла, что должна быть сильной и спасти нашу любовь. К счастью, брат ничего не заметил. А я, собравшись с духом, выбежала из кухни, поймала такси и помчалась в Выселки. Дарио с матерью ели какую-то жалкую энчиладу. Запыхавшись, я влетела в их хибару и, предав разом и брата, и картель, посоветовала ему как можно скорей раствориться в воздухе.

Рамоса сначала затрясло, потом он оцепенел, потом потерял дар речи, а когда речь к нему вернулась, вышел вслед за мной и признался, что работает на конкурентов — картель братьев Авеллано Феликс из Тигуаны, но делает это исключительно ради того, чтоб поскорее разбогатеть и попросить моей руки, так как любит меня до белой горячки. Рыдая, я тоже призналась, что люблю его. И тогда он меня поцеловал — сначала в губы, потом в шею. Вам пока это неизвестно, мистер Куба, но я, как и большинство женщин с волосатыми ногами, страстная до потери пульса. И если бы не то, что он торопился, да и я тоже, кто

знает, осталась ли бы я до сих пор девицей. Рамос сказал, что я для него все — небо и земля; должна заметить, что он всегда выражался изящно. Упав передо мной на колени, он умолял, чтобы я его ждала. Поклялся, что через месяц, самое большее через два, подаст мне тайную весточку, и испарился вместе с матерью.

Восемнадцать лет я его ждала. Носила черные платья, не втыкала в волосы цветов, оправила в рамку засушенную розочку, ту самую, которую Дарио подарил мне на рынке, и повесила ее под портретом матери, и со всей своей неизрасходованной женской страстью ждала, сознавая, что могу открыть перед ним врата рая.

В марте, когда подходил к концу девятнадцатый год ожидания, кто-то ненароком вскользь упомянул, что встретил Дарио в Сан-Франциско. Что в мексиканском районе он держит ресторан «Вива Мексика» и что у него жена и трое детей. Сперва я только рассмеялась, потому что не поверила, но когда человек поклялся мне гробом матери, надела новое платье из красного шелка, лакировки на шпильках, тонких как острие ножа. Взяла паспорт с искусно подделанной американской визой и, ни слова не сказав брату, отправилась в путь.

Эта его забегаловка снаружи выглядела еще более-менее прилично, но когда я прочитала вывешенное в окне меню и заглянула через стекло внутрь, сразу поняла — обыкновенная заплеванная столовка. В баре напротив я выпила два стаканчика текилы в ожидании, пока он выйдет. Ждала то ли четыре, то ли пять часов кряду, но что такое пять часов по сравнению с девятнадцатью годами!

Дарио вышел около шести. Увидев меня, побледнел как скатерть, глаза у него сделались квадратными, а рубаха стала мокрой от холодного пота. Волосы его слегка поседели, но талия по-прежнему была тонкой, как у куколки. Его так и затрясло, он что-то залепетал, потом, совсем как тогда, восемнадцать лет и девять месяцев назад, потерял дар речи, но я сказала, чтоб он так уж сильно не убивался, что я тут проездом и неофициально — брат не в курсе, — а у меня муж и трое детей. Он еще немного потрясся, но постепенно пришел в себя и стал уверять, что думал обо мне дни и ночи напролет все эти годы, но вернуться боялся. Клялся и божился, что написал мне по меньшей мере шестьдесят писем, но, видно, они затерялись. Известно, как работает почта; и прибавил, что один-одинешенек на свете, так и не

женился, что все еще меня любит, и стал уговаривать пойти с ним выпить рюмочку. При этом он все время оглядывался по сторонам, наверно со страху, что в любую минуту могут появиться его жена и трое детей.

Сославшись на то, что у меня очень мало времени, я все же согласилась выпить с ним чашечку кофе. Я решила это еще раньше: поблизости был «Старбакс»,[9] совершенно пустой, что входило в мои планы. Мы заказали кофе o'le,[10] который оказался препоганейший, как это водится у американцев. Потом он взял меня за руку, и мы немножко повспоминали прежние времена, а когда у него начал заплетаться язык, слипаться глаза и голова падать на грудь, я отвела его в туалет. Туалеты в «Старбаксах» — единственное, что там на уровне. Почти всегда две кабинки, просторные и хорошо освещенные. Я не позволила ему упасть на пол, а усадила на толчок, удобно прислонив спиной к стенке. Он спал как младенец, пока я стягивала с него штаны и трусы. Представляете, мистер Куба, на нем были точно такие же трусы от Кейна, как те, что сегодня

[9] Примечания: 9
Сеть американских кафе-закусочных.

[10] Примечания: 10
С молоком (искаж. *франц.* au lait).

утром я вам постирала. Я вынула из сумочки все что требуется и, стараясь особо не глядеть, чтобы не оскорблять природную застенчивость, отрезала ему то, о чем мечтала все эти девятнадцать лет, ворочаясь в своей холодной постели.

Вытерев слезы, я наложила повязку. Проделала я все так аккуратно, что на пол не попало ни капельки крови. В соседней кабинке какой-то мужчина облегчался, распевая во весь голос, но Дарио даже не шелохнулся. Ничего удивительного, я всыпала ему в этот отвратительный кофе o'le столько снотворного, что оно могло бы усыпить целое стадо слонов. Потом я натянула на него эти самые трусы и брюки, застегнула молнию и, уходя, поцеловала на прощание в губы.

Да, каюсь, так все и было, мистер Куба, но вы не должны меня ревновать: Дарио — единственный мужчина, которого я поцеловала в губы. И всего только два раза. То, что отрезала, я положила в целлофановый пакетик и залила спиртом. Вон он, посмотрите, висит там на стене рядом с засушенной розочкой под портретом моей матери.

Так закончилась моя единственная большая любовь, то есть единственная до того момента, пока я не увидела вас в зале ожидания в аэропорту. Но вас наверняка интересует, как я попала в

замок. Сейчас расскажу. Все последующие годы я искала забвения в готовке, выдумывала все новые и новые рецепты, соединяя несоединимое: бараньи ребрышки с крабами, омара со свининой, — и страдала. Самое интересное, Дарио никогда больше не дал о себе знать. Я была так несчастна, что почти не замечала, как в картеле Карильо Фуэнтеса одна беда стала догонять другую. Сперва провели чистку в полиции и арестовали не только моего среднего брата, но даже самого генерала Хесуса Ребельо. Сразу после этого Амадо Карильо Фуэнтес, меняя себе лицо, как он это делал каждый год, внезапно умер во время пластической операции. Вслед за этим киллеры братья Авеллано Феликс застрелили Антонио и показали новому шефу полиции тайник на Ранчо-де-ла-Кампанья, где была закопана добрая сотня гостей из моего ресторана. Это наделало много шуму, ресторан прикрыли, начались аресты. Мне удалось выпутаться только благодаря тому, что все свои сбережения, драгоценности и мебельный гарнитур я подарила жене нового начальника полиции.

И снова я, как много лет назад, вернулась в свою лачугу, распугав табуны крыс, нескольких змей, стайку летучих мышей и полчища

пауков. А тут к нам приехал мистер Кейн с телевидением. В Хуаресе я была живой легендой, поэтому неудивительно, что он захотел взять у меня интервью для своих новостей. Я угостила его скромным обедом, подав всего лишь креветки в чесночном соусе с гарниром из шпината, буррито из цыпленка под сыром, завернутое в кукурузные тортильи и политое зеленым соусом, рис со свежими помидорами и зеленым салатом, а также рассказала ему, разумеется вкратце, то, что рассказала сейчас вам. Он пришел в такое восхищение от меня и моей лачуги, что, когда начал строить этот замок, велел перенести сюда целиком мою хибарку вместе со мной.

Но лучше не теряйте времени понапрасну, мистер Куба, а, как я вам велела, отправляйтесь без промедления на аэродром и отыщите там Педро. Каждая секунда дорога. Теперь, когда я снова нашла большую любовь, предупреждаю: во второй раз сломать себе жизнь я не позволю.

Рассказ Кубы

Тронутый до глубины души рассказом кухарки о превратностях судьбы, так жестоко с ней обошедшейся, я помчался сломя голову, мечтая только об одном — поскорее сесть в поезд: погоня за свиньей вконец меня измотала. Но поезда уже не ходили, пришлось переть на своих двоих по шпалам. По дороге, столкнувшись с чумазыми, похожими на всех чертей сорванцами, я хорошенько их отругал, что, мол, кухарка ждет-беспокоится, и снова рванул. Не чуя ног, успел-таки в последний момент. А там — просто жуть: глядеть было тошно на то, что осталось от шикарного аэропорта. Сдвинутые со своих мест регистрационные стойки, валяющиеся повсюду консервные банки, пустые бутылки, брошенные чемоданы, расколотая в щепки мебель, зияющий дырами потолок и застрявшие там и сям стальные детали, наверняка обломки не сумевших далеко улететь самолетов. А на взлетной полосе стоял вроде как последний из них. Двигатели ревели, а возле наматывал круги один-единственный пассажир. Тощий, высокий, с бачками

и усиками, черными как смоль. В отутюженном, с иголочки костюме и шикарной шляпе. На шее у него раскачивался католический крест, а из кармана торчал требник. Как заведенный он кружил на месте, заламывая руки, а стюардесса с трапа в который раз предупреждала, что дольше они ждать не могут. По описанию кухарки все сходилось, поэтому я подбежал к нему и спросил, не Педро ли он. Схватив меня за лацканы пиджака, да так, что я заболтал ногами в воздухе, он прорычал, перекрикивая гул реактивных двигателей, нет ли у меня от нее известий. И откуда только сила взялась в этих его худых, как палки, руках! Я без проволочек признался, что да, есть весточка от кухарки, и стал его умолять от своего и кухаркиного имени обвенчать нас, соблазняя дармовым угощением. Он опустил меня на землю и с досадой махнул рукой, и в этот самый момент миниатюрная стюардесса, блондинка в черно-золотой униформе с надписью «Caine's airlines», заорала, разозлившись уже не на шутку, что они сию минуту взлетают. Педро вырвался, хотя я держал его мертвой хваткой, и взбежал по ступенькам трапа. В голове у меня пронеслось: эх, не догадался я прихватить с собой пуделя, он бы вцепился ему в штанину, и вдвоем мы б

его, возможно, удержали. Но песик обожрался свинячьими потрохами и, когда я уходил, лежал на брюхе и икал, так что пользы от него скорей всего никакой бы не было. Тем временем Педро влетел в салон, стюардесса захлопнула дверцу, и самоходный трап медленно отъехал. Однако не успели еще черные мысли целиком мною завладеть, как дверца вновь отворилась, и у меня на глазах Педро сцепился с бортпроводницей. Правда, схватка продолжалась недолго: куда ей с ним тягаться, когда я не сумел справиться. Затем, рискуя свернуть себе шею — трапа-то не было, — он спрыгнул и полетел вниз, размахивая руками, как ветряная мельница, причем издалека было видно, что бедолага не в себе, вконец отчаялся и не знает сам, чего хочет. Он побежал, что-то выкрикивая на ходу, но слова заглушал рев реактивного самолета. Я же бросился за ним вдогонку, с облегчением и в полной уверенности, что на твердой земле далеко он от меня не убежит. Однако когда я его уже почти настиг, он вдруг завертелся волчком и припустил обратно к самолету. А тот уже оторвался от земли, сбив воздушной волной с головы Педро его шикарную шляпу. Тогда он ни с того ни с сего, словно я был в чем-то виноват, бросился на меня с кулаками и

принялся дубасить по голове. Но быстро очнулся и начал извиняться, чтобы я не обращал внимания, он вовсе не хотел меня обидеть, просто он очень несчастлив, и, мол, я не представляю, что он может вытворить в состоянии депрессии. Я вежливо ответил, что догадываюсь. Он учтиво меня поблагодарил, официально представился, назвавшись Педро Ланцини, и объяснил, откуда растут ноги такого его поведения. Дело в том, что он со своей возлюбленной договорился лететь этим последним самолетом. Тут у него слезы снова закипели в глазах, и он с ходу попросил меня засвидетельствовать, что ждал до последней минуты. А следом признался, что недалек от мысли покуситься и лишить себя жизни, поскольку его переполняют дурные предчувствия. Я как умел стал его утешать, что, мол, всякое могло приключиться, но закончится все хорошо и женщинам, что ни говори, иногда можно верить. Взять, к примеру, меня: я сам не далее как вчера лично повстречал добропорядочную женщину и при его посредничестве намерен соединиться с ней брачными узами; при этом я выразил готовность помогать ему в чем угодно, что только придет в его голову, и опять пригласил на свадебный обед. Педро поблагодарил, глянул вверх на самолет,

который был уже высоко и казался маленькой точкой — и в этот самый момент воздушный лайнер на наших глазах вдруг разлетелся в воздухе на куски, и до нас донеслось эхо отдаленного грохота. В душе я пообещал надрать задницы маленьким сорванцам. Ну понятно, обидели их родители, но разве можно так себя вести?

А кстати, нам крупно повезло, что самолет уже отлетел на порядочное расстояние, иначе мы могли бы схлопотать по башке крылом, шасси или того хуже — кем-нибудь из пассажиров, которые, пристегнутые к креслам ремнями безопасности, с криками, как бомбы, неслись с неба на землю. Я перекрестился и мысленно помолился за них — в смысле отпущения грехов. А Педро бровью не повел, так был занят своим горем, и не то что не думал им сочувствовать, даже Бога не захотел поблагодарить за то, что шагает сейчас по земле, а не падает вверх тормашками с неба. Некоторое время мы шли молча, а потом он вежливо осведомился, не прогуляюсь ли я с ним по замку для полной уверенности: вдруг нам вдвоем повезет и мы наткнемся на какие-нибудь следы. Я деликатно намекнул, не лучше ли это сделать после того, как он нас обвенчает, да и невеста моя заждалась с обедом. Но получилось, что я вроде

как наступил ему на больную мозоль: он снова замотал головой, замахал руками и, в какой-то момент снявши шляпу, которую однажды я ему уже поднимал, швырнул ее наземь. Потом мы побрели дальше, и я как мог старался его утешить. А вокруг на глаз было видно, насколько сильно пострадал замок за короткое время. Стены зданий пошли трещинами, везде если не стелется дым, так бушует пламя, из развороченных труб хлещет вода, а в главном куполе — дыра на дыре, и почти из каждой как попало торчат если не обломки самолетных крыльев либо хвостового оперения, так части рук или ног. Мы пересекли зал прилетов, который еще совсем недавно кипел жизнью и весельем, а теперь — никакого сравнения: крышу почти снесло, а от росписи на потолке остался только самый кончик седой бороды и указующий перст.

С полчаса мы так прошатались, и я совсем перестал ориентироваться, где нахожусь, но, на счастье, Педро знал местность как свои пять пальцев. Конечно, я тоже иногда узнавал знакомые памятники старины, которые теперь были полуразрушены или вконец разбиты, будто после бомбардировки. А кругом тишина словно в могиле, только Педро драл горло, кричал, нарушая

спокойствие, осипшим голосом: «Соня!» Причем после часа такого ора он уже скорее хрипел, чем кричал, так что даже если бы она была поблизости, и то не услышала бы. Тем временем ноги подо мной начали подкашиваться, а кишки играть марш. Я затосковал по обеду и по кухарке, которая, должно быть, на стенку лезла. А Педро хоть бы что — прет себе вперед, как торпеда.

Вдруг ни с того ни с сего я получил шипастым стеблем по морде — ба, давешние розы, и верно: мы продрались через их заросли к тому самому бассейну, где я уже однажды побывал. Только вместо свиньи покачивалось на воде самолетное кресло. А в нем, пристегнутые одним общим ремнем, два мертвых тела. Одно при ближайшем рассмотрении показалось мне знакомым. Это был не кто иной, как тот нахальный субъект, Жан-Пьер, на коленях у которого сидел похоже что сам пилот самолета, правда без штанов, но в форменном кителе, вцепившись закостеневшими руками в полумесяц руля — видать, штурвал управления. Я встрепенулся, что, мол, знаю его, но Педро в ту сторону даже не взглянул.

Я снова попытался до него достучаться, убеждая прерваться и продолжить поиски завтра спозаранку — утром, известное дело, видимость лучше.

Но Педро еще битый час таскал меня за собой, пока наконец не поднял с земли обломок статуи, не иначе как римской эпохи, и не запустил им в окно нарядного здания с красовавшейся на нем вывеской «Цезарь-палас». Нырнув внутрь, он стал подавать мне через окно сперва бутылки, а потом и целые ящики с алкогольными напитками. Бутылки я, сколько мог, распихал по карманам. Он сделал то же самое, а парочку «Абсолюта» мы распили не сходя с места, примостившись на ящике с «Джонни Уокером». Вылакали, что называется, до самого донышка, поскольку обоим нам было не до смеха: ему, понятное дело, из-за потери любимой, ну а мне потому, что моя будущность, вроде бы и не такая уж плохая, пока представлялась туманной. Зашвырнув подальше пустые бутылки, мы взвалили на плечи по ящику с выпивкой и побрели к кухарке, подпирая друг дружку, совсем как земляки, — недаром говорится, что горе сближает.

Еще издали в ноздрях у нас защекотало от запахов. Но только подойдя поближе, я увидел, что значит, когда женщина и вправду мастерица готовить. Короче, накрытый стол, заставленный блюдами, дословно ломился от неземной роскоши — ну прямо пир Нерона, как его описывают

в художественной фантастике. Чего там только не было! Ломтики ветчины с поджаристой корочкой под хреном, радужно переливающийся, благоухающий памятными с детства запахами зельц. Затейливо нарезанная шейка, украшенная пирамидкой из малосольных огурчиков, и обжаренные до золотистого цвета ребрышки; ножки, выглядывающие из холодца прозрачнее родниковой воды, и сбрызнутые уксусом румяные рульки; рядом баночки шпрот — хочешь в томате, хочешь в масле, на выбор, — узорно выдавленный из тюбика лососевый паштет с дольками лимона по бокам, а по соседству — селедочка залом из бочки. Да все с пылу с жару, дымящееся ароматным парком, аппетитное, свежайшее. Мало того, шесть английских кастрюлек под крышками нежно дребезжали на малом огне горящих под ними спиртовок, обещая дальнейшие наслаждения нёбу, а во главе самая большая — с чили. Посередине стола, прижавшись друг к другу, как родные братья, стояли две литровые бутылки — запотевший голубой «Шопен» и красный «Смирнофф», тоже покрытый изморозью. Среди этих яств, положив голову на стол, спала кухарка, а тут и там торчали головенки сладко посапывающих ребятишек, отмытых до неузна-

ваемости и принаряженных.

Мы ввалились торжественно, громко топая и с шумом скидывая с плеч ящики, кухарка же вмиг подскочила и, не теряя ни секунды, налила три стакана, нам троим полнехонько, а деткам — по половинке. Выпили мы друг за друга. А Педро, будто забыв на время о своей беде, раз-раз и связал нас брачными узами, а затем благословил и прочитал молитву по требнику: да не отвратит Господь Бог лика своего от нас, изгнанных из рая детей Евы, а напротив, пусть будет беречь и помогать в испытаниях. Аминь. Что касается обряда, то у меня лично были сомнения насчет его законности. Но поскольку совершен он был перед святым образом, да и кухарка признала его законным, я махнул рукой, ведь недаром же говорят: что край — то обычай.

Кухарка без проволочек принесла с кухни кровяной суп, раскидала по тарелкам селедочку с луком и с извинениями, что берет руками, красиво положила перед каждым нарезанный ломтями хлеб. Я наполнил рюмки, и завертелось веселье. Мальцы лопали так, что за ушами трещало, а наевшись, начали клевать носом. Мы с кухаркой, не пропуская ни одной, не спеша закусывали, временами только отдуваясь и прищелкивая

языком, потому что все так и таяло во рту. Зато Педро жрал в три горла, будто от этого зависела его жизнь. Сроду не видел ни в Грин-Пойнте, ни в родимой сторонке, чтобы кто-нибудь набрасывался на еду прямо как на врага. Педро глотал ветчину, почти не жуя, давился, но продолжал запихивать в себя кусок за куском, с хрустом разгрызал кости, с шумом высасывал мозг и, плюясь во все стороны холодцом, тараторил без передышки.

Рассказ Педро

Мое полное имя — Педро Мария Амандо Хесус Ланцини, и должен признаться, что возложенная на меня обязанность венчать в замке вступающих в брак — не главное мое занятие. Основная моя профессия — дрессура. И не каких-то там дурацких собачек, кошек или медведей. Я — лучший в мире дрессировщик пауков. Вернее, был им когда-то. Родился я в Эквадоре, в Мачалиле, недалеко от Хипихапа и Санта-Елены, в трех часах езды на грузовике от Кито. Мачалила — бедный маленький городишко, куда, кроме ураганов, никто не заглядывает. Вы не поверите — я ютился вместе с матерью, отцом, братом и двумя сестрами в сбитой из досок конуре. Спали вповалку на циновках; ни электричества, ни водопровода у нас не было — зато в лачуге жили несколько змей, парочка скорпионов, а главным образом пауки. Кормились тем, что росло на деревьях, поскольку в Мачалиле джунгли подходят к самому океану, но по большей части тем, что вылавливали из воды. Бедны были как церковные мыши, однако считались не самыми бедными — другим жилось

еще хуже. В нашей семье хотя бы имелся служитель культа. Звали его Мигель Мария Сантьяго, он приходился матери двоюродным братом и еще маленьким взял меня к себе в обучение. Я носил хоругви в процессиях, прислуживал на мессах. Дядя хотел, чтобы я стал священником, а меня тянуло к природе. Из-за этого я так и не был посвящен в духовный сан, но Мигель Мария Сантьяго передал мне ряд полномочий, в том числе я получил официальное разрешение совершать обряд венчания. Так что вам нечего беспокоиться. Отец был хороший рыбак, но у него было слабое сердце и одышка, и нам приходилось ему помогать. Мой брат навострился отлавливать крабов, которых подманивал, кидая в воду дохлых собак. А собак в Мачалиле было больше, чем людей, и все на одну колодку — песочного цвета, тощие и голодные. Я же пристрастился к охоте на небольших осьминогов. Они прятались на дне возле коралловых рифов, поджидая добычу. Я хватал их голой рукой и прилеплял к телу. Вернее, достаточно было приложить осьминога к телу, и он сам присасывался. На поверхность я всплывал, только когда присасывалось штук пять или шесть. Под водой мог спокойно продержаться добрых десять минут. То есть мог бы и дольше, но

тогда у меня начинала сочиться кровь из ушей, из носа и горла. Крабов мы распродавали не сходя с места. А осьминогов чаще всего возили с братом на пикапчике в Кито и продавали в дорогие рестораны. Но, правду говоря, моей страстью были пауки. Я любил гладить их нежные шелковистые тельца, напоминающие благородные музыкальные инструменты типа скрипок, виолончелей, арф или вовсе даже черную блестящую пулю. Мне нравилось щекочущее прикосновение их длинных лапок и радовало, когда сперва подозрительный взгляд одной, двух или трех пар глаз постепенно становился доверчивым. Бытует масса несправедливых суждений о пауках. На самом же деле это на редкость впечатлительные и робкие существа. Спору нет, питаться им тоже чем-то надо, но на человека они нападают, только если почувствуют с его стороны враждебные намерения. Правда и то, что яд тарантула, «бронзового отшельника» или «черной вдовы» в пятнадцать раз сильнее яда гремучей змеи. Но гремучая змея впрыскивает его гораздо больше, и от ее яда умирает двадцать пять процентов укушенных, а от «черной вдовы», особенно если под рукой вовремя окажутся гормоны и кортизон, — только пять, самое большее десять. Как-то раз «бронзо-

вый отшельник», поселившийся в старом, давно не ношенном деревянном башмаке, укусил отца. Впрочем, не со зла, а с перепугу, потому что тот без предупреждения сунул в башмак ногу. Но уже спустя восемь недель симптомы исчезли. Чувствительность в ноге понемногу восстановилась, и у папы прекратились проблемы с дыханием.

Вы уж извините, что я столько наговорил на эту тему, но мне просто больно, когда обижают пауков. Люди почему-то забывают, что это наши восьминогие друзья, что они пожирают москитов, тараканов, сверчков, древесных клопов, термитов, защищая наши сады, дома и огороды. Мне, например, пауки принесли славу, успех и деньги.

Дрессировать пауков не так-то легко — эта работа требует страсти, самопожертвования, полной отдачи, огромного терпения, ну и, разумеется, времени: порой нужно не меньше десяти месяцев, чтобы завоевать их расположение и дружбу. Мне пришлось даже бросить курить — пауки не выносят дыма. Конечно, не все одинаково талантливы и горят желанием сотрудничать. Лучше всего мне работалось со скачущими, тонконогими, садовыми, домашними и с теми из водных, что охотятся на мальков. Неплохо складывались

отношения с пауками-волками, с виду грозными, а в сущности вполне дружелюбными. Хуже всего — с «бронзовыми отшельниками», необычайно смышлеными, но по натуре скрытными и несмелыми. Тарантулы и «черные вдовы» гораздо охотнее шли со мной на контакт. Однако это касалось только особей мужского пола. Самки — те значительно крупнее и красивее самцов, но, к сожалению, гораздо недоверчивее. Не стану перечислять все этапы моей долгой карьеры. Скажу только, что началась она в тот день, когда, распродав шестнадцать осьминогов, я показывал на главной площади в Хипихапе самые простенькие штучки со скачущими пауками, и судьба, а может, случай привели туда директора самого большого цирка в Кито. Нам сразу же предложили ангажемент. Потом был Рио-де-Жанейро. Я выступал там во время карнавала со своей дрессированной труппой. Спектакль засняли на пленку и показали на Си-би-эс, позже обо мне и моих пауках сделали документальный фильм, который был номинирован на «Оскара», а вскоре после этого пришло предложение из Лас-Вегаса. Через год я купил родителям дом в Кито. С бассейном. Мой брат стал профессиональным игроком в гольф и женился на фотомодели. А сестры удачно

вышли замуж. Только я все никак не мог найти настоящую любовь. После одного из выступлений, когда я отдыхал в гримерной, скармливая паукам тараканов, ко мне вбежал наш менеджер, страшно взволнованный, и, хватаясь за сердце, с трудом выдавил, что Кейн, сам Джон Джефферсон Кейн, хочет со мной поговорить. Конечно, давление у меня слегка подскочило, не без этого, но годы, проведенные среди пауков, не прошли даром. Не спеша заканчивая ужин, я промычал в ответ, чтоб тот передал Кейну: я устал и смогу с ним увидеться не раньше чем через полчаса.

Менеджер подумал, что ослышался, но у меня было свое на уме. И действительно, Кейн ждал. Теперь я совсем успокоился — значит, Кейну на самом деле что-то от меня нужно, и, значит, ему придется за это дорого заплатить. Я и предположить тогда не мог, что цена, которую я заплачу, будет куда выше.

В тот же вечер Д. Д. К. пригласил меня в свой отель. Всю дорогу он молчал, а я тоже не рвался чесать языком. Я выжидал. Только когда мы в окружении плотной толпы телохранителей поднялись на самый верхний этаж, Кейн наконец раскрыл рот. Он сказал, что дело весьма деликатного свойства. Догадываюсь, ответил я. Помню,

хотел еще что-нибудь добавить, ну, пошутить, что ли, но на ум как назло ничего не приходило. Кейн кивнул, этот его, то ли баба, то ли мужик, Жан-Пьер взмахнул рукой, шеф телохранителей Стивен распахнул дверь, и в гостиную вбежала Соня.

Вот тогда я увидел ее впервые. Говорят, что большое чувство рождается внезапно. Ну не знаю. Любовь пришла позже, когда я узнал Соню поближе и понял, какая это тонкая натура, как она одинока и несчастлива.

Но об этом потом. В тот раз она просто вбежала в гостиную и, сощурив глаза, стала пристально меня разглядывать.

Разумеется, я слышал о романе Кейна с Соней. И знал, что скандал поломал его политическую карьеру. Сегодня в такое трудно поверить, но нужно помнить, что дело происходило в первые годы XXI века. В пору дикого пуританизма, когда любовь со свиньями еще не получила безоговорочного общественного одобрения. Откровенно говоря, я считал, что со стороны Д. Д. К. это было всего лишь мимолетное увлечение, причуда, погоня за сильными ощущениями, нечто в стиле оставшихся в прошлом авантюр шекспировского короля Генриха. И не подозревал, что дело зашло

так далеко. А между тем оказалось, что Кейн и на сей раз остался верен себе и решил бороться за свое право на любовь. Короче говоря, невзирая на разницу в возрасте, задумал жениться на Соне и тем самым доказать всему миру, что свиньи ничем не отличаются от женщин.

Отчасти проблема заключалась в том, что Соня происходила из бедной многодетной семьи и не получила приличного воспитания. Кейн, при всей своей толерантности, опасался, что разница в образе жизни, несходство политических и эстетических взглядов могут омрачить их с Соней совместную жизнь.

В тот вечер он признался, что хочет поручить мне трудную, но благородную миссию. Хочет доверить мне образование Сони.

Предложение звучало заманчиво, и дело было даже не в деньгах, хотя сумму Кейн назвал просто астрономическую. Не каждому судьба бросает такой вызов. Вы только на минуточку представьте себе: распахнуть перед молодой свиньей окно в мир, созданный руками и разумом вдохновленного Богом человека, разбудить в ней воображение, познакомить с великими произведениями литературы и искусства.

Но задача показалось мне дьявольски труд-

ной, гораздо труднее моей работы с пауками. Если по-честному, я не был уверен, что хорошо подготовлен для ее выполнения. Образование я, конечно, получил, и неплохое, но только начальное. Правда, был силен в теологии. Не пропускал ни одной серьезной выставки, ни одной премьеры. А что будет, если я подсуну Соне не ту книжку? Не сумею заразить ее любовью к «Улиссу» Джойса? Я колебался.

Проходили минута за минутой. Кейн беспокойно заерзал в кресле и признался, что я — его последний шанс; в глазах у него даже блеснули слезы. Я согласился, и тогда он крепко, по-мужски пожал мне руку.

На первый взгляд Соня производила впечатление обычной свиньи, но оно было ошибочным и быстро рассеялось. Оказалось, что у нее незаурядные способности к плаванию и танцам. А также несомненный дизайнерский талант: она прекрасно чувствовала цвет, обладала отменным вкусом, умела подобрать соответствующий материал и запросто придумывала самые неожиданные композиции. Соня с интересом разглядывала ше-

девры Микеланджело, Рубенса и Раушенберга.[11] Несколько хуже, если не сказать безнадежно, обстояло дело с ее английским. Конечно, не случалось такого, чтоб я не сумел с ней договориться, но и не скажу, что это было делом легким или приятным. Я решил разузнать о Соне побольше.

И, чтобы добраться до самых корней, отправился в Айову на ферму Джека Джонсона. Туда, где она родилась и где прошло ее детство. Джонсон, раздутый от пива здоровяк, очень удивился, что Соня наделала столько шума. Он рассказал, что у нее было шестеро братьев и сестер, которые все уже пошли под нож, а посему увидеть их мне не удастся, сама же она ничем особенным не выделялась. Правда, обычно первой оказывалась у корыта и визжала громче всех. Но все-таки Джонсон признал: что-то в ней было, недаром однажды ночью она прогрызла двойную металлическую сетку и сбежала.

Позже, когда я уже начал лучше понимать Соню, я спросил ее об этом побеге. Она не сумела толком объяснить, что ей тогда взбрело в голову.

---

[11] Примечания: 11

Роберт Раушенберг (р. 1925) — американский художник, кинематографист, скульптор и фотограф. Широко известна его «Белая картина с цифрами» (1959) и «Набросок» (1964), где объединены репродукция с полотна Рубенса «Туалет Венеры» с изображением орла, вертолета, рабочих и геометрических фигур.

Сказала, что просто должна была так поступить. Что-то ее подстегивало, какая-то не поддающаяся объяснению тоска. Впрочем, если честно, я не на все сто процентов ее понимал, поскольку у Сони был жуткий акцент. Из того, что я понял, следовало: приняв однажды даже ей самой непонятное решение прогрызть сетку, она просто кинулась бежать куда глаза глядят. На восток ее гнало, похоже, само провидение — она безошибочно отыскивала дорогу. Ела все подряд, что только росло вокруг, пила воду из озер, рек и даже из луж. Целый месяц паслась на полях, засеянных коноплей, что, кстати, привело к сильнейшей зависимости. Пару раз застревала на каких-то фермах, но долго на одном месте усидеть не могла. В Пенсильвании попала в отвратительную компанию крупного котяры и двух бездомных дворняг, которые ее попросту использовали. Наконец добралась до Нью-Йорка и там оказалась на самом дне. Соня не хотела вспоминать об этом периоде своей жизни. Думаю, она пыталась вычеркнуть его из памяти. Как бы то ни было, однажды вечером, когда, измученная и голодная, она трусила по Бродвею, на нее наехал лимузин Кейна. Она была в шоке. Помнила только, что над ней склонялись какие-то тени. Какие-то люди

взяли ее за ноги и швырнули в багажник. Она подумала, что это конец, и потеряла сознание.

Очнулась она в постели оттого, что кто-то нежно целовал ее в рыло. Как выяснилось позже, Кейн после происшествия приказал отвезти Соню не в больницу и не к ветеринару, а в маленький элегантный мотельчик в Нью-Джерси, который, само собой, тоже принадлежал ему. Именно там, над Гудзоном, неподалеку от Энглвуда, начался их роман. Кажется, я уже упоминал, что Сонин английский сильно хромал. Но кто знает, не этот ли изъян стал причиной ее небывалого успеха в качестве эстрадной попсовой звезды. Уже через неделю после появления на рынке ее первого сингла «Доктор Визг» стало ясно, что Кейн победил, а американская молодежь обрела нового кумира.

И критики, и простые меломаны были едины в своем мнении. Магнетизм личности Сони, ее необыкновенный, хватающий за душу голос, неотразимая экспрессия позволили миллионам молодых и многообещающих американцев разорвать ненавистный корсет пуританского хип-хопа и в ритме тяжелого визга в десятках концертных залов и на тысячах дискотек дать выход своим наиболее интимным естественным

потребностям.

Гений Кейна и благородный артистизм Сони нашли самое полное воплощение в изысканном, поэтичном видеоряде «Пигмалион И», где были запечатлены восемьсот эротических позиций. Представленный на осенней экспозиции в Метрополитен-музее, этот шедевр стал путеводной звездой в искусстве нового миллениума. Признаюсь, даже сейчас, когда я об этом говорю, мне трудно сдержать волнение. Бог мой, что это был за хит! Без ложной скромности могу сказать, что я очень много сделал для Сониного успеха. Она частенько называла меня своей музой. Мы почти ни на минуту не расставались. Ведь даже на сцене я всегда находился при ней, держа в кулаке конец цепочки, а в карманах сахарок, который она обожала. Мы оба были молоды, ночи были жаркими — стоит ли удивляться, что в таких обстоятельствах между нами начало зарождаться чувство?

Преградой на пути к нашему счастью стал стареющий и все больше озлобляющийся Кейн. Соня никогда не была с ним счастлива. Очень скоро она поняла, что Кейн ее не любит. Он просто нуждался в Сонином успехе для удовлетворения своих ненасытных амбиций. Ему не терпелось

отыграться за поражение на выборах. Он хотел доказать всему миру свою правоту. В постели был груб и эгоистичен. Уже через полгода после свадьбы Соня оказалась на грани нервного срыва. Начала пачками глотать антидепрессанты, но вскоре вынуждена была бросить, поскольку прибавила в весе восемнадцать кило. Впрочем, не так уж они и помогали.

Светом в конце тоннеля стал для нее Интернет. Каждый день Соня заходила в «чат-рум» и благодаря этому узнала, что не одна она такая, что на свете много других свиней, оказавшихся в точно такой же или схожей ситуации. Через Интернет она подружилась с сибирской свиньей Таней, которая вылетела из полуфинала объявленного Fox-TV конкурса на претендентку в жены мультимиллионера. У Сони было доброе сердце: сама находясь в глубокой депрессии, она пыталась всячески поддерживать Таню. Все напрасно. Таня бросилась с моста «Золотые ворота» в Сан-Франциско. Тела ее не нашли. Соня тяжело это пережила. Я делал что мог, чтобы ее приободрить. Но с тех пор как она перестала выступать и Кейн перебрался в замок, мы не могли уделять друг другу много времени. Кейн счел образование Сони законченным, поблагодарил

меня и перестал платить, но согласился на мое присутствие в замке в качестве консультанта. Тайком встречаться с Соней я мог, только когда Кейн смотрел свои фильмы, постоянно одни и те же. Он запирался в огромном кинозале и часами просиживал там в одиночестве. Когда крутили «Унесенных ветром», в нашем распоряжении было четыре бесценных часа.

Что мне еще вам сказать? Знаете ли вы, что такое любовь эквадорца? Я завидовал ошейнику, который мог постоянно к ней прикасаться. К счастью, моя квартира была неподалеку от резиденции Кейна. Задолго до прихода Сони я не находил себе места. Как безумный кружил по спальне. Бросался на постель и вскакивал, стаканами глушил текилу и не пьянел. Кровь закипала у меня в жилах. Я представлял себе, что она делает в эту минуту, как смотрит на часы, принимает душ, распахивает дверцы шкафа и, слегка наморщив лобик, раздумывает, что бы такое надеть. За час до назначенного срока я уже ждал у окна. Увидев наконец, как она бежит через развалины Колизея, прикрывая шалью лицо, чтобы никто ее не узнал, я бросался к двери. Я уже издалека чуял запах ее духов, доводивший меня до безумия. Набрасывался на нее молча,

со страстью сродни ненависти или отчаянию. Обнявшись, мы падали на постель. Предварительные ласки я сводил к минимуму. А потом… потом мир переставал для меня существовать. Кровь ударяла мне в голову, я кричал и плакал, она кричала и плакала, вторя мне, и наконец мы вместе тонули в судороге наслаждения. Потом долго лежали, тесно прижавшись друг к другу. Иногда случалось, что оба проваливались в сон, но лишь на минуту-другую. Мы не хотели терять ни одного мгновения. Строили планы на будущее. Мечтали всегда быть вместе, болтали о самых будничных вещах: где станем жить, как устроим наше гнездышко. Я рассказывал ей об Эквадоре. Мы знали, что не можем иметь детей, но ведь можно взять ребенка на воспитание. На свете столько бедных несчастных сироток, которым не грех подарить капельку любви. А потом… потом пора было расставаться. Когда я провожал ее до двери, мы оба рыдали. Я умолял Соню бежать со мной. Но, господи мой боже, что я мог дать ей кроме любви? Я был беден. Все полученные от Кейна деньги я вложил в акции, которые со дня на день падали в цене. Соня привыкла к роскоши. Носила одну из знаменитейших фамилий на земном шаре. Была Соней Кейн. Имел ли я

право требовать, чтоб она отреклась от своего богатства? Я жутко исхудал, потеряв в весе что-то около тридцати фунтов, костюмы на мне висели как на вешалке. Соня, разрываемая двумя противоположными чувствами — любовью и супружеским долгом, исполнения которого Кейн требовал неукоснительно, тоже была в ужасном состоянии — все чаще, не в силах сдержаться, разражалась рыданиями.

Как-то в очередном припадке истерики она рассказала мне, чего от нее требует Кейн в постели. Этот человек был мерзким извращенцем. Я хотел убить его, но Соня не позволила. Я переживал адские муки ревности, а Соня начала пить — я ее понимал. Она не в состоянии была, да и не хотела отказаться от великой любви, но в то же время боялась упустить причитающуюся ей долю богатства Кейна и в особенности часть его легендарной коллекции бриллиантов. Соня страшилась мести старого деспота. Она прекрасно помнила свое детство. Грязное корыто и вкус разваренных картофельных очисток. Время шло. Я не знал, что предпринять. В голову то и дело приходила мысль о самоубийстве. И тогда само небо послало нам выход.

Замок подвергся сущему нашествию крыс.

Кейн приказал с ними покончить. В неимоверных количествах был закуплен стрихнин. И тогда я сказал Соне: это наш последний шанс. Соня долго сопротивлялась, твердя, что я сам учил ее десяти заповедям. Не хотела брать грех на душу, у нее были дурные предчувствия. Я горячо убеждал ее, что поступок, совершенный во имя большой любви, никакое не преступление, что мы исповедуемся, покаемся, и милостивый Господь наверняка нас простит. В конце концов она признала мою правоту. Неделей позже она возвращалась от меня, неся под шалью полную баночку отравы.

Спустя день после оглашения результатов лотереи Соня приготовила мужу его любимое блюдо — венгерский гуляш с клецками. Сама спряталась под кроватью и стала ждать. Когда начались конвульсии, она проглотила целиком всю коллекцию алмазов, четырнадцать черных жемчужин и полкило бриллиантов.

Тиран умер, но самое худшее нас еще ждало впереди. Врачи, правда, ничего не заподозрили, но береженого бог бережет. Мы решили несколько дней не встречаться. Во время погребальной церемонии я мог только издалека смотреть на Соню, бледно-зеленую от недосыпа и несваре-

ния желудка. Для меня это был ад кромешный. Вас, возможно, удивляет, зачем я признаюсь в соучастии в убийстве. Сейчас это не имеет уже никакого значения. Доказать ничего не удастся. Кейна кремировали, а прах его развеяли над пустыней. Я не испытываю угрызений совести. Ни о чем не жалею. Кейн был человеком без совести. Я его ненавидел. Но теперь я не держу на него обиды. Сейчас он предстал перед судом Божьим. Когда вскрыли завещание, оказалось, что все свое баснословное богатство Кейн отписал институтам, фондам и университетам, занимающимся проблемами моды, главным образом Гарвардскому университету, первым представившему пятилетний проект по изучению истории, эволюции и психологии моды. Остатки пошли на стипендии наиболее талантливым манекенщицам и дизайнерам, которые поведут за собой мир в XXII век. А замок он распорядился отдать под музей его памяти. Соне этот подлец назначил только скромное ежемесячное содержание. Но наше будущее было обеспечено, во всяком случае мне тогда так казалось. Исчезновения коллекции в тогдашнем балагане никто не заметил.

И это почти уже все. Мы с Соней договорились встретиться на аэродроме: не случайно ее лю-

бимейшим фильмом был «Касабланка». Я взял два билета на последний самолет. Ей — в первом классе, себе в целях конспирации — в экономическом. Кто-то мне сказал, что видел ее в аэропорту задолго до отлета, кто-то утверждал, что она давным-давно улетела, и только потом мне сообщили: ничего она не улетела, а, вспомнив о чем-то важном, вернулась домой. Однако в этом жутком хаосе никто ничего не знал наверняка.

Остальное вам известно. Я долго не мог допустить даже тени этой мысли, но настал час взглянуть правде в глаза. Эта шлюха меня надула. Наверняка она улетела на предыдущем самолете. И с драгоценностями в брюхе теперь отплясывает самбу на карнавале в Рио. Но я ее из-под земли достану!

Рассказ Кубы

О святая Дева Мария, как я в душе благодарил Бога, что кухарка не подала, как намеревалась, для украшения стола свинячье рыло. Если бы Педро узнал его, мне бы несдобровать. В конце концов, что ни говори, это был эквадорец, способный на все! А так Педро встал из-за стола, ничего не заподозрив, да как заорет — кухарка с детворой, которые уже видели десятый сон, приоткрыли глаза, правда ненадолго.

А Педро как ни в чем не бывало сорвал с себя и швырнул на пол пиджак, разодрал на груди черную рубашку, чуть ли, кажется, не из шелка, и тут обнаружилось, что все это время он был обмотан железной цепью. Одним махом размотав ее (размазав попутно остатки холодца), он треснул кулаком по столу. А потом повторил еще раз, только совсем тихо да так страшно, что меня мороз продрал по коже:

— Ну, погоди, — я тебя из-под земли достану. Найду, хоть всю жизнь придется искать. — И не попрощавшись и не поблагодарив за ужин, двинул, пошатываясь, похоже, снова в сторону

бывшего аэропорта. Я даже пожалел его — ну как он мог ее найти? Однако какой смысл что-то объяснять молодому да вдобавок влюбленному мужчине, у которого каша в голове и ни одной реальной идеи. Еще раз издалека донесся звон цепи, хриплый возглас «Соня!», и только я его и видел.

Отогнав грустные мысли, я попытался растолкать спящую кухарку, чтобы по случаю бракосочетания исполнить свои супружеские обязанности. Но куда там, она храпела как убитая. Я было примерился, чтоб взвалить ее на плечи и доставить на супружеское ложе. Но она оказалась тяжеловата, и я махнул рукой — ладно уж, впереди целая прекрасная совместная жизнь, еще натаскаюсь. Неуютно, правда, было лежать одному, но особо долго я не горевал: глядя, как все сладко спят, почувствовал, что меня самого разбирает, и вскоре провалился в глубокий сон.

Сколько я спал, точно сказать не могу, но разбудил меня такой силы грохот, будто весь мир разлетался на куски. Лачугу мало что трясло — она еще скрипела и визжала как резаная. В одних трусах я кинулся к двери и вступил с ней в борьбу, потому что снаружи напирал ветер. Наконец открыл, и, о боже, — нам крупно повезло,

что домик стоял на пригорке, иначе пиши пропало. На дворе бушевала буря, какой я отродясь не видывал, а поскольку вихрем снесло и так во многих местах продырявленный купол замка, то дождь лил сверху как из ведра, а в двух шагах от меня несся, растекаясь и смывая все вокруг, бурный поток, в котором кружились диваны, сталкивались шкафы, бились друг о дружку чемоданы, напольные часы и разные другие вещи. Гремел гром, сверкали молнии, ветер свистел и неистовствовал, не давая вздохнуть. В том месте, где вчера был забор, на ящике из-под водки сидел, а точнее, плавал пудель с проволокой на шее, изо всех сил стараясь держать голову над поверхностью. По колено в воде я шагнул к нему и схватил в охапку, увернувшись в последний момент от врезавшихся в ящик стола с рулеткой и вывески «Макдоналдса». Ну, замку конец, подумал я, глядя, как вода бушует между античными колоннами, пенясь и вскипая. И вытаращил глаза: в самом центре бурлящего водоворота плясало, то погружаясь, то всплывая, самолетное кресло с Жан-Пьером и бесштанным пилотом. Ага, значит, бассейн тоже залило, и он вышел из берегов. Одним словом, чистый катаклизм, а мою должность черти взяли. Одно утешение — чек, но

кто знает, не фальшивый ли он.

Из-за того, что ветер раз за разом хлопал дверью домика, я бросился обратно, подпер дверь стулом, порасставлял в тех местах, где капало с потолка, подвернувшиеся под руку посудины и подумал, что ничего не остается, кроме как сдаться на божескую милость. Может, как в Египте, праведники спасутся. Духу мне придало то, что кухарка и вся ребятня, положа голову на стол, словно овечки, доверчиво и крепко спали сном, который дает только и исключительно чистая совесть. Я тоже влез под перину, ну и что с того, что на дворе свищет и гудит, когда вокруг меня разливается благословенное тепло. Раз-другой зевнув, я рассмеялся: теперь у меня есть собственная жена, согнал пуделька, который, весь мокрый, норовил залезть на кровать, и, забив на все, заснул.

Кухарка не дала мне отоспаться, растолкала и принялась накладывать на тарелку, одетая в модную блузку — в такой только позировать. Я недолго думая попытался вместо завтрака затащить ее под перину, но она дала мне по рукам — мол, двенадцать на часах, белый день, не время для баловства. Надо как следует подкрепиться и подумать о будущем. А я ей на то: чего там думать? Будущее так и так никуда не денется

— и опять тяну ее в постель. Но она отбилась, тогда я влез в свадебный костюм, снова аккуратно отутюженный — вот что значит женщина в доме. Закусил ветчинкой с прожилочками сала, заел свиным рулетом, припрятанным от Педро, запил «Абсолютом» и, жмуря глазенапы, выполз на двор.

А было от чего зажмуриться. На лазурном, аж сердце заходилось от радости, небе светило яркое солнышко, издалека доносилось что-то вроде а-ля птичий гомон. В том месте, где курсировал по насыпи поезд, текла прозрачная речка, а на бережку шустрые сорванцы в надежде наловить рыбки повтыкали самодельные удочки, смастерив их из прутиков и веревок с крючками. Я бросил взгляд вдаль, но долго и смотреть не хотелось. О самом замке лучше не говорить. Из земли торчала занесенная илом остроконечная верхушка вроде бы пирамиды, а дальше куда хватало глаз то здесь, то там из ила или из тины чего только не выглядывало. Как, например, мраморный лев без передней лапы, стоявший у казино, банковская вывеска или ресторанный столик, кстати сильно обгоревшие — из-за аварий в электросети ночью, должно быть, полыхнул огонь, пока его не притушило водой. В общем, тяжко было глядеть

на эту разруху, ниспосланную самим Провидением, и тут меня словно толкнуло. В метрах двадцати сразу за львом в илистой грязи торчало что-то знакомое. Я скинул ботинки, стянул носки, подвернул штанины, вооружился лопатой и, босиком прошлепав по чавкающей грязи, принялся откапывать. Вскоре никаких сомнений не осталось. Из-под завалов болотной грязи на божий свет появился железный плуг во всей своей красе. Водоворотом взбесившейся реки, ночью, наверно, пронесшейся по музею старинной техники, его прибило сюда, к самому дому. Вот вы, уважаемый, что бы подумали на моем месте, как не то, что это перст божий? Ясно как день: Провидение, покарав здешние Содом и Гоморру, появлением этого плуга как бы подавало мне знак, чтобы я начинал все от начала. У меня прямо гора с плеч свалилась, потому что, честно говоря, в голове не было ни одного готового ответа на вопрос, что и как делать дальше. Выходило, что я в этом месте в качестве ночного сторожа ни богу свечка, ни черту кочерга. А коли так, то перед глазами у меня как зачарованные встали родные поля со жнивьем и уроки катехизиса.

Подготовив плуг для работы, я, как сумел, смастерил из кожаных ремешков упряжь. Кухарка

поначалу крутила носом, но потом дала себя запрячь. Запустив лемех поглубже в паркет, я присвистнул, и кухарка потянула. Пахал я пока без семян, только чтобы на чужой стороне добраться до земли-матушки, взрыхлить все наново. А пахал я, отдаваясь этому делу и телом и душой. Отвалил первый пласт паркета, потом второй. И знаете что? Пуделек вдруг как прыгнет в борозду — задрал хвост, напружинился, начал тужиться так, что больно было смотреть, и тявкнул каким-то не своим, не собачьим голосом. Я было подумал, подыхает, но нет. Пуделек начал облегчаться прямо в борозду, совсем как лошади в родимой сторонке. А теперь внимание: из задницы у него поперло что-то блестящее.

Некоторое время мы сидели молча. С океана налетел ветер. Покружил возле Линкольн-центра, раскачал тяжелую железную урну, из какого-то окна даже брызнуло осколками стекол. И унесся в Верхний Манхэттен, а из «Фьорелло» высыпали пятеро официантов и давай поспешно складывать двенадцать огромных зонтов. Чернявый официант, прилизанный, с сережкой в ухе, подскочил к нам и стал уговаривать пройти внутрь, но ни я, ни Куба и не подумали сдвинуться с места. Официант, пожав плечами, вытащил из

ведерка пустую бутылку «Шопена», деловито оглядел и, не спрашивая, поменял на новую.

— То есть пудель облегчился коллекцией Кейна, так получается?

Куба кивнул.

— Потому что сожрал потроха. Бог не дал в обиду католика. Чек-то, сами понимаете, мне пока не удалось обналичить.

Куба наполнил стаканы, и мы выпили, у него пошло гладко, а мне не повезло. Перестав кашлять, я перевел дух и вытер навернувшиеся слезы. Куба сказал:

— Кухарка хотела раскроить собачку пополам, но мне подумалось: времена смутные, лучше держать драгоценности в пудельке, а он понемногу будет их выдавать.

— Так что же вы намерены делать дальше?

Он задумался.

— Ну, после того как я вспахал и засеял, сперва подумывал, не открыть ли винный магазинчик в Грин-Пойнте или, может, поехать в Польшу и выставить свою кандидатуру в президенты. Но на кухаркин «лэптоп» пришел e-mail с предложением поработать ночным сторожем в Нью-Йорке. Так я, это, привел в порядок «роллс-ройс», приспособил к нему прицеп, загрузил плуг, кухарку,

ребятишек и вот только что прикатил.

— А кем предложение подписано? — недоверчиво спросил я.

— А я знаю… вроде бы мэром.

— Бумага у вас с собой?

— Кухарка хранит в лифчике, я ее с детьми на парковке оставил, а сам загнал один камушек знакомому еврею с Тридцать четвертой улицы. Я у него как-то ремонт делал. Заплатил он мне по-божески. А еще один камушек я с ходу оправил, только тесновато перстенек, впивается. — Он покрутил перстень на толстом пальце — бриллиант радужно засверкал.

— Пан Куба, — сказал я, помолчав, — я тоже хочу рассказать вам свою историю.

Куба кивнул, я набрал в легкие воздуху, но тут началось. Ураганный ветер обрушился на нас со страшным гулом. Огромный зонт сорвало с подставки, закружило над Бродвеем, и он рухнул в самую гущу машин. Пустые столики и стулья заплясали по земле, сбились в беспорядочную кучу, и их подняло на воздух, а земля под ногами задрожала. Прямо на нас неслись четверо мотоциклистов в блестящих защитных шлемах.

Уцепившись за пожарный кран, я подумал, что это, наверно, то самое землетрясение, которым

нас уже давно пугали, а потом — что так или иначе все это плохо кончится, поскольку ветер отрывал меня от крана и руки вряд ли долго бы выдержали. Тут надо мной пронеслись в воздухе два железных мусорных контейнера, овчарка в наморднике и шикарно одетая пара — похоже, представление в Метрополитен уже закончилось.

Откуда-то, видно там, где оборвало электросеть, бухнуло пламя. Краем глаза я увидел, как огромная стеклянная стена Метрополитен, в которую угодило контейнером, обрушилась, и парящие персонажи Шагала смешались с летящими в сторону Верхнего Манхэттена живыми людьми. Это конец, подумал я и закрыл глаза, но тут меня подхватили крепкие руки, и я почувствовал здоровый запах пота.

— Ничего не бойсь! — проорал мне в ухо Куба, перекрикивая ураган. — Со мной не пропадешь!

Боже мой, неужто это и есть последний праведник, пронеслось у меня в голове, и я покрепче за него ухватился.